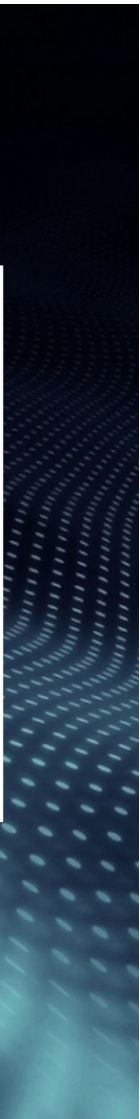

Александр Левковский

Самый далёкий ТЫЛ

Роман

Александр Михайлович Левковский

Самый далёкий тыл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28740661

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман "Самый далёкий тыл" повествует о волнующих событиях лета 1943 года – в разгаре борьбы советского народа против нацистской Германии. Действие романа происходит в нескольких странах – в СССР, Китае, Америке, Италии, Испании и на островах Тихого океана. Среди главных действующих лиц читатель найдёт Иосифа Сталина, Лаврентия Берию, Президента США Франклина Рузвельта, а также видных коммунистических вождей – Георгия Димитрова и Долорес Ибаррури.

«Через три месяца после вторжения нацистов в Россию Соединённые Штаты начали предоставлять помощь Советскому Союзу в соответствии с законом под названием The Lend-Lease Act. Согласно этому закону, Америка за годы войны снабдила Советский Союз военными материалами стоимостью около 11 миллиардов долларов. Семьдесят процентов этой помощи было переправлено через Иран; остальная часть была доставлена через Тихий Океан во Владивосток и через Северную Атлантику в Мурманск».

Библиотека Конгресса США, Русский Архив (Вторая Мировая война: союзники).

«Сталин был способен на любое преступление, ибо не было такого беззакония, которое он бы не совершил. Какие бы критерии мы ни прилагали к его действиям, во всех случаях – и, будем надеяться, на все будущие времена – именно ему принадлежит «слава» непревзойдённого преступника всех времён и народов, ибо в его действиях сочеталась бессмысленность преступлений Калигулы с криминальной изощрённостью Борджиа и жестокостью царя Ивана Грозного».

Милован Джилас. «Разговоры со Сталиным».

Глава 1. Алекс Грин. Вашингтон, март 1943 года.

В суете последних трёх месяцев две вещи в моей посты-

лой жизни оставались неизменными: обильная пьянка по вечерам и тяжёлое похмелье поутру. Со дня смерти Элис и Брайана я пил почти беспробудно, высиживая долгие одинокие вечера в Вашингтонских ресторанах и барах.

Вчера это был *The Esplanade* – моё привычное заведение в Джорджтауне. Метрдотель филиппинец Альфредо проводил меня к угловой кабине и усадил лицом к окну, выходящему на Потомак.

– Мистер Грин, – сказал он, улыбаясь, – вы хотите как всегда?

Я кивнул. «Как всегда» означало джин-тоник, возобновляемый трижды; затем пара бокалов *Bloody Mary*; потом либо мартини, либо водка со льдом, а затем... что придётся, повторенное раз за разом, часто далеко за полночь...

Хоть я не имел и крошки во рту с самого утра, я никак не мог заставить себя заказать ужин. Ещё один месяц такого существования – и я наверняка превращусь в неисправимого алкоголика. В редакции *The Washington Telegraph* было не менее шести закоренелых пьяниц, и я мог быть уверен, что буду радушно принят в их тесную компанию.

Альфредо исчез, и я стал смотреть сквозь окно на серые воды реки и низко висящее небо, думая о жене и сыне и о нашей девятилетней совместной жизни, прерванной двумя смертями.

Я видел их в последний раз в заснеженном Внуковском аэропорту, перед тем как их ввели по трапу в грузовой «Ду-

глас». Я должен был остаться в Москве, чтобы взять пару интервью у советских боссов, но Элис не могла больше выдержать мизерного существования в военизированной русской столице и рвалась домой. Она с сыном должна была лететь в Штаты через Иран, Египет, северную Африку и Атлантический океан. Через три дня их самолет был сбит итальянцами над Сахарой, и они погибли.

Я не хотел больше жить. Не было никого вокруг меня, кого бы я любил, и не было никого, кто был бы привязан ко мне. Я был сейчас так же одинок в Вашингтоне, как я был одинок тринадцать лет тому назад в Китае – бесприютный беженец из Советской России, нищий студент факультета журналистики Американского Университета в Шанхае, один в чужой стране, без семьи и без друзей. Я не был тогда пристрастен к алкоголю. Кому нужна была дурно пахнущая китайская водка, когда было в Шанхае такое изумительное средство от тоски, как опиум! *Вот* что мне было нужно держать в руке сейчас, здесь, в этом вашингтонском ресторане – мою старую бамбуковую трубку с пузырящимся шариком опиумной пасты. Может, сладкий запах кипящего наркотика заглушит мою неутраченную боль.

Я закрыл глаза.

...Я был вновь в Шанхае, в полуподвале многоэтажки на улице Долджен. Это была обычная китайская комбинация игорного зала для любителей маджонга, с комнатой для ку-

рения опиума и неприязательным борделем.

Я лежал на низкой кушетке в открытой кабинке, предвкушая тот благословенный миг, когда я поднесу костяной кончик бамбуковой трубки ко рту. Это была моя собственная трубка, купленная в одном из многочисленных ларьков, заполнивших обе стороны улицы Долджен. Маленькая медная чашка посреди длинного ствола была заполнена горячим опиумом. Чанг Йинг стояла на коленях перед кушеткой, вертя в пальцах иглу и разминая пузырящуюся пасту; затем она осторожно протолкнула шарик опиума в крошечное отверстие в центре бамбука и протянула мне трубку.

Я вдохнул, и мир вокруг меня мгновенно изменился.

«Чанг Йинг» означает «зрелая мудрость». Какая мудрость привела эту шестнадцатилетнюю девочку в один из шанхайских домов терпимости? Глядя на неё, я чувствовал благодарность судьбе, приведшей хрупкую Чанг Йинг в китайский бордель, а не в японский. Оккупационная армия Японии содержала в Шанхае несколько домов терпимости, известных садистской жестокостью солдат по отношению к несчастным девушкам.

– Что это за чудак? – спросил я на кантонийском диалекте, показывая кончиком трубки на противоположный ряд открытых кабин. – Ты знаешь его?

Традиционно одетый худой китаец сидел на низком шезлонге, держа в одной руке трубку, а в другой раскрытую книгу. На первый взгляд, ему было лет пятьдесят.

Чанг Йинг взглянула в его сторону.

– Наши девушки говорят, что это знаменитый учёный. – Она понизила голос. – Они говорят, что он близкий друг Мао Цзэдуна. Они слышали, как он бормотал об этом во сне, выкурив две полные трубки.

– Друг председателя Мао?.. Это интересно. Почему он не лежит на кушетке, как все клиенты?

– Он никогда не ложится.

– Даже с девушкой?

– Он никогда не заказывает девушку. – Чанг Йинг хихикнула. – Он, наверное, слаб с женщинами, – добавила она.

Чанг Йинг приехала в Шанхай из южной провинции Юнань, где её образование закончилось в четвёртом классе католической школы, все учителя которой были европейскими монашками. Неудивительно, что книжное слово импотент было ей неизвестно, хотя мне казалось, что по роду её деятельности сущность этого слова должна быть ей знакома.

– Он спрашивал о тебе, – добавила она. – Он спросил: «Кто этот американец?». Я сказала, что ты не американец. Я сказала, что ты русский.

– Он был удивлён?

– Очень.

Я взглянул на учёного китайца. С толстым томом в одной руке и опиумной трубкой в другой, он казался чужеродным телом в этом доме неисчислимых грехов, выражаясь

высокопарным стилем конфуцианцев. Я не мог представить себе, что буквально через месяц мы станем друзьями, а спустя четыре месяца он приведёт меня в подпольную штаб-квартиру коммунистической армии Китая, где-то в глубокой провинции Чжэньцзян-Фуджиан, где я возьму моё первое профессиональное интервью у самого председателя Мао.

Я кончил курить и отдал трубку Чанг Йинг.

– Ты возьмёшь меня на ночь? – спросила она, положив маленькую ладонь на мою руку.

– Я слаб с женщинами, – сказал я.

Она тихо засмеялась.

– Ты говоришь неправду. Это всё из-за опиума. Я просила тебя много раз не курить перед нашей любовью; это делает тебя слабым...

...В глубине моего полусна я услышал приближающиеся шаги. Я надеялся, что это была моя дорогая Чанг Йинг, несущая мне сладко пахнущую трубку, которая мгновенно излечит мою нестерпимую боль.

Увы, это не была моя китайская подруга; это был Дик Росс.

Я никогда не встречал его ни в одном из вашингтонских баров и ресторанов. Я всегда был уверен, что он проводит всё своё время в Белом Доме, поедая сэндвичи и запивая их кока-колой, одновременно готовя сотни бумаг для своего босса, Гарри Ханта.

– Дик, – сказал я, – где ваши телохранители?

Он пренебрежительно махнул рукой.

– Я обхожусь без охраны. Пока, во всяком случае.

Он уселся напротив меня и посмотрел неодобрительно на стакан джина, стоящий передо мной.

– Вам, я уверен, по вкусу старый добрый джин, верно? – спросил я, выжимая кусочек лимона в стакан.

– Нет, – парировал он.

Я объявил между двумя глотками:

– Я думаю, ваш босс Гарри Хант нанимает работников для своей сверхважной работы, руководствуясь единственным критерием: пьют они или нет. Если они не пьют, он принимает их, хотя их пригодность для работы может быть сомнительна. Если же выясняется, что такой-то кандидат пьющий, старина Гарри отправляет его в какую-нибудь менее важную инстанцию – например, в Государственный департамент, либо в Министерство финансов, или же в Министерство обороны, не так ли?

– В нашем правительстве нет Министерства обороны, – проинформировал меня Дик. – Насколько мне известно, вместо него существует Военное министерство. Корреспондент уважаемой газеты, освещающий деятельность Белого Дома, обязан это знать – во всяком случае, пока он ещё поглощает свой первый стакан.

– Мистер Ричард Росс, – провозгласил я, – знаете ли вы, сколько различных и великолепных вариаций выпивки су-

ществует вне вашего скучнейшего офиса, населённого убийственно трезвыми личностями, подобными вам и Гарри?

В ответ на мою тираду он предпочёл промолчать.

– Позвольте мне осветить эту важную область, явно выпавшую из сферы вашего внимания. Прежде всего, ещё до того, как я определю научно сам термин «выпивка», я хотел бы разъяснить вам понятие «алкогольный», синонимами которого являются термины «опьяняющий» и «токсический».

Официантка возникла у нашего стола. Дик заказал кока-колу, а я попросил вторую порцию джина.

– Алекс, – сказал Дик. – Гарри приказал мне доставить вас в его офис как можно скорее.

– Почему? Что за спешка?

Мне показалось, что он заколебался, прежде чем ответить. Он обежал взглядом полупустой ресторан, наклонился ко мне через стол и сказал тихо:

– Я думаю, это связано с вашей ближайшей командировкой во Владивосток и ещё с нашей программой помощи русским, *The Lend-Lease*... Лимузин из Белого Дома ждёт у входа. Гарри будет работать, как обычно, до полуночи.

– Почему только до полуночи? Известно ли вам, что наш новый друг, великий вождь советского народа, Иосиф Сталин, работает, как правило, до трёх часов ночи? Я обнаружил эту пикантную подробность во время моей последней проклятой поездки в Москву. – Я закурил. – Во всяком случае, я не двинусь с места, пока не прочитаю вам всеобъемлю-

шую лекцию на важнейшую тему под названием «алкогольные напитки».

Дик закрыл глаза и обречённо вздохнул.

– Термин «алкогольные напитки», – продолжал я, – включает в себя такую жгучую жидкость как aqua vitae, что, в общем, является тщательно очищенным brandy; его скандинавский родственник akvavit; затем, так называемый arak, производимый из ферментированной патоки; потом стоит упомянуть голландский schnapps, добываемый из картофеля; ну и, конечно, мексиканские tequila и mescal; а также...

Дик встал и бесцеремонно прервал меня:

– Мистер Грин, – сказал он, – допивайте последний глоток вашей отравы, и поехали! Я нахожусь под строжайшим приказом доставить вас в Белый Дом *немедленно*.

Глава 2. Серёжка Дроздов. Владивосток, март 1943 года.

Изо всех причалов в нашем порту самый старый и самый заброшенный это 34-й причал. Его потому и не используют огромные грузовые корабли, приплывающие из Америки. Но 34-й очень удобен для нас – он лежит рядом с нашим домом, и никто не думает его охранять, и никакой сука-охранник не гонит меня и Мишку, когда мы ловим там рыбу.

Мишке, моему брату, двенадцать лет. Мне – четырнадцать. Мы с ним, в общем, дружим, но бывает, что он вы-

водит меня из себя. Его главный недостаток – он совсем не может драться. И не умеет, и не хочет. Он говорит, что он *принципиально* против драк, и что врезать кому-нибудь кулаком по носу или коленом между ног это *жестоко*.

Принципиально и *жестоко*. Это его любимый словечки. Поэтому мне приходится прикрывать его, когда дело доходит до драк, а это случается очень часто на наших хулиганских улицах, где каждый пацан голоден, где матери вкалывают на работе по двенадцать часов в день, а отцы воюют с немецкими фашистами, и если возвращаются домой, то калеками – кто без ног, кто без глаз...

Что Мишка *может* – это читать весь день. Он носит толстые очки, а с очками на носу драться, конечно, невозможно.

– Серёжка, – сказал Мишка, – я думаю, Марк Твен что-то напутал. Я думаю, Том и Бекки должны были целоваться *страстно*, а не так, как он написал – *эле-эле*.

Мы сидим с ним на краю причала. Я ловлю рыбу и покурываю бычок американского «Кэмела», а Мишка сидит рядом со мной и читает вслух «Приключения Тома Сойера».

– Как целоваться? – не понял я.

– Страстно.

– Что значит – *страстно*?

– Это значит, их поцелуй должен быть очень длинным, и им от этого очень хорошо, – объяснил Мишка, держа книгу перед своими близорукими очками. – Их сердца стучат как бешеные. Они чувствуют слабость и дрожь в ногах. И сам

поцелуй должен длиться не меньше минуты, а может, и дольше. Вот это и есть *страстная* любовь, понял? Возьми, например, самого сексуального изо всех писателей, Ги де Мопассана, о котором я тебе рассказывал; мужчины и женщины у него и целуются, и обнимаются, и раздеваются, и делают всё остальное *страстно*.

(Вот вам ещё одно любимое Мишкино словечко – «сексуальный». Ну все знают, что люди женятся и трахаются. Или не женятся, но все равно трахаются. Но спрашивается, зачем обычное траханье называть иностранным словом «секс»?)

Хоть я и не чувствовал никакой страсти по отношению к Таньке, я попробовал однажды поцеловать её, однако, ничего страстного из этого не вышло – она просто долбанула меня книгой по башке и смылась – и на этом вся «страсть» закончилась.

Будто читая мои мысли, Мишка спросил:

– Ты пробовал целовать Таньку?

– Нет, – соврал я. – Кому это надо?

– Не будь дураком, – объявил Мишка. – Нет книги, где бы кто-нибудь не целовал кого-нибудь. Может, только Робинзон Крузо никого не целовал, потому что он провёл на острове двадцать восемь лет в полном одиночестве. Кого он мог целовать – козу из своего стада?

Тут вы должны понять, что Мишка полностью и окончательно чокнут на книгах («книжный червь», как говорит мама); он начал читать, когда ему исполнилось пять лет –

как раз тогда, когда я пошёл в школу. В школе у меня было плохо с уроками чтения. Я сразу возненавидел тридцать две буквы русского алфавита, которые надо было выучить наизусть и знать в строгом порядке. Танька однажды сказала мне, что у американцев в их алфавите всего двадцать шесть букв. Счастливые американцы. Мало того, что у них есть белый хлеб, и настоящие кожаные ботинки на толстой подошве, и длинные шикарные машины, которые я видел в их кино «Джордж из Динки-джаза», – так даже их алфавит короче нашего!

В общем, пока я неохотно делал уроки, Мишка всегда крутился рядом, заглядывая мне через плечо. Он завёл себе тетрадь и скопировал туда все тридцать две буквы, причем, его почерк, конечно, был намного лучше моих каракулей. И ещё он любил декламировать идиотские стихи, которые нам задавали учить в первом классе.

Скоро Мишка стал читать как сумасшедший, дни и ночи напролёт, почти без перерыва. Когда наш батя ещё жил с нами, до того, как мать выгнала его, он записал нас – меня и Мишку – в библиотеку НКВД, где он большая шишка. НКВД – это значит Народный комиссариат внутренних дел, то есть эта контора даже важнее, чем милиция, и отец там служит подполковником. Так вот, я беру книги в библиотеке, может, раз в две недели, как любой нормальный человек; но Мишка сидит там часами, не вылезая оттуда, читая одну книгу за другой, как окончательно свихнувшийся маньяк.

В нашем доме, по Ленинской, 24, живёт ещё один лунатик-книгоед – шестидесятилетний кореец-дворник, дядя Ким. То есть, он жил там до того, как его арестовали в декабре, когда арестовывали всех корейцев и китайцев, живущих во Владивостоке. Его задрипанная квартира была вся засыпана книгами, газетами и журналами. Ну, и конечно, он и Мишка стали вроде как друзья. Я помню один жутко холодный день, когда мы – дядя Ким, Мишка и я – отправились в дальний магазин, где-то на окраине, чтобы отоварить наши продкарточки. Страшный ветер со стороны бухты завывал как бешеный. Мы были голодные и полузамёрзшие. Возвращаясь домой после четырехчасовой стоянки в очереди, Мишка плакал без остановки. Ничто не могло остановить его соплей и слёз. В конце концов, дядя Ким нашёл решение; он просто сказал: «Не плачь, сынок. Вот мы придём домой, и я дам тебе «Последний из могикан». И Мишка тут же заткнулся. Только обещание получить новую книгу и могло заставить его вытереть нос и перестать всхлипывать как баба. Он, наверное, уже воображал себя сидящим за нашим кухонным столом, с керосиновой лампой сбоку, с толстой книгой в руках и в хорошем настроении.

Мы очень разные пацаны – я и мой брат. Как я уже сказал, он не может драться; но он не может ещё и играть в футбол, и не может даже плавать. Ему это всё до лампочки. Я пробовал много раз научить его плавать в нашем море (которое какой-то мудозвон назвал *Японским*), но он сказал, что это

всё потеря времени, и что лучше использовать это время на чтение. Я же могу драться до победы даже с парнями старше меня на два-три года, и я плаваю как лягушка. Я могу держаться под водой больше минуты и без труда ползаю по дну с открытыми глазами, ловя маленьких крабов, которые мы называем «чилимами».

Я часто завидую Мишке. Ничто его не колышет. Я, может, тоже хотел бы сидеть целый день, читая рассказы о таинственных островах и приключениях Христофора Колумба; но я не могу себе это позволить – и вот почему: я должен думать о семье. Когда мать сказала отцу, чтобы он выметался из нашей квартиры как можно скорее, она, помню, добавила тихим спокойным голосом, как только наша мать умеет: *«Не вздумай посылать мне свои деньги; я их не возьму. Твои деньги испачканы кровью»*. И наша семья осталась без большой батиной зарплаты.

Вот такая женщина наша мать. Она очень смелая. И самая красивая. Я смотрю на Таньку, которая сидит в классе рядом со мной, и сравниваю её с матерью. Но тут, честно, не может быть никакого сравнения! Мать у нас высокого роста; у неё длинные волосы и большие голубые глаза, и потрясная фигура. Вы понимаете, о чём я говорю? У Таньки же вообще нет никакой фигуры, если не считать двух маленьких прыщиков – там, где у взрослых женщин торчит настоящая грудь; и ещё у неё длинные худые ноги в цыпках и царапинах.

Мишка и я – мы решили давно, что мы женимся лет через

десять или пятнадцать только на таких женщинах, что похожи на мать. Мишка говорит, что она напоминает ему Жанну д'Арк, о которой написаны три главы в толстой книге о Столетней войне. Главная разница, говорит он, это то, что Жанне было семнадцать лет, когда она была французским генералом (тут, понятно, автор заливает – какой дурак поверит, что можно быть генералом в семнадцать лет?); а нашей матери тридцать три года, и она работает медсестрой в военно-морском госпитале.

И поскольку мать отказалась брать батины деньги, запачканные кровью, теперь я должен помочь ей прокормить нас с Мишкой.

Вот потому я и сижу на 34-м причале и ловлю рыбу на ужин. И вот поэтому я время от времени смотрю на горизонт, где мне виден вход в нашу бухту, надеясь, что оттуда, из-за Чуркин-мыса, вдруг выплывет громадный холодильник из Америки, с колбасными консервами, и сгущенным молоком, и сливочным маслом, и сигаретами, и жевательной резинкой.

Я знаю как свои пять пальцев, как заработать пару рублей на этих товарах, которые нам посылают богатые американцы. Мишка говорит, что их закон, по которому они шлют нам это добро, называется по-английски *Ленд-Лиз*, что означает «дать в долг». То есть они нам эти товары вроде дают взаймы, чтоб мы расплатились после победы над немцами. Хрен мы им заплатим. Американцы, как любит говорить Мишка,

просто *наивные кролики*.

А если пароход из Америки нагружен не жратвой, а патронами, грузовиками, пушками, пулемётами и так далее, то и тогда я знаю, как сделать бабки на этом железе. Я командую шайкой из пяти пацанов; мы работаем на нашей огромной барахолке, спекулируя всем, что можно стащить с кораблей, приплывающих из Америки.

Но вся беда в том, что за последнюю неделю ни один американский пароход не появился в нашем порту.

Отец исчез из нашей жизни три месяца тому назад.

В тот вечер мать с отцом вернулись с новогодней пьянки в огромном сером доме НКВД, прошли молча в свою спальню и закрыли за собой дверь.

Мы с Мишкой слышали сквозь тонкую стенку их голоса – сначала тихие, а потом голоса стали всё громче и громче. То есть, это был, в основном, голос отца, так как мать всегда говорила очень тихо.

Мы вылезли из наших кроватей и приложились к стенке, чтобы слышать получше.

Мы так и знали, что они начнут спорить, ведь за последний год не проходило и дня, чтобы отец не скандалил с матерью. Каждый день она твердила одно и то же: он должен уйти из НКВД! Он должен уволиться! Она не может с ним

жить, пока он служит в НКВД подполковником!

Отец повысил голос:

– Куда я уйду? Это невозможно! Я военный. Ты знаешь последний указ: сейчас даже гражданским запрещено переходить с работы на работу – тебе известно это? И куда я могу уйти? Они арестуют меня за предательство! Они расстреляют меня. Это *то*, что ты хочешь?!

– Не кричи, – сказала мать. – Ты разбудишь детей. Послушай, Дима, всё лучше, чем тратить свою жизнь, арестовывая невинных людей, посылая их за Полярный круг и убивая их.

– Кто тебе сказал, что они невиновные! Они враги народа! Они шпионы!

– Шпионы? Для вас в НКВД все шпионы. И наш дворник, дядя Ким, Мишкин лучший друг, тихий безвредный старик, он что – тоже шпион?

– Он кореец. Они все японские шпики... Лена, не глупи. И будь поосторожнее со своим языком. Мы в НКВД охраняем безопасность советского народа. Без нас война была б уже проиграна, потому что в армии и в тылу есть ещё много врагов трудового народа...

Было слышно, как мать расхохоталась.

– «Трудового народа!» – передразнила она. – Ты и твои гнусные начальники – в роли защитников «трудового народа»! Сегодня на вашем отвратительном банкете я смотрела на их жирные морды, и я слушала их пьяную болтовню, и видела, как они жрут американские деликатесы и хлещут аме-

риканский виски, а тем временем наши солдаты на фронте погибают тысячами – и я чувствовала, что меня вот-вот стошнит. Они выглядят как убийцы, они звучат как убийцы, и они есть убийцы! И ты среди них...

– Что ты хочешь?

– Я не могу позволить детям жить рядом с тобой. В твоей работе много жестокости, и ты переносишь эту жестокость на ребят.

После минутного молчания отец сказал:

– Хорошо, я уйду. Но помни, Лена, я люблю тебя. И я люблю детей.

– Ты любишь детей?! Постыдись! Ты лжёшь! Ты никогда не говорил с ними как отец, ты только орал на них. Ещё два года тому назад ты бил Серёжу чуть ли не каждый день, Ты перестал бить его только потому, что он вырос и может ударить тебя в ответ.

– Он хулиган, поверь мне. Он постоянно шатается возле барахолки вместе с какими-то подозрительными типами. Мои агенты видели его там, и не один раз.

– Твои агенты лучше бы охраняли нас от настоящих японских шпионов, а не ходили бы по следам четырнадцатилетнего мальчишки... Ты жесток, потому что ты работаешь в таком месте, где запугивание и избиение – это часть службы и, наверное, самая главная её часть.

– Что она говорит? – зашептал перепуганный Мишка мне на ухо. – Папа бьёт людей на работе?

– Ш-ш-ш... – прошептал я в ответ. – Подожди.

За стеной было тихо. Потом мы услышали голос отца:

– Я ухожу, Лена. И не беспокойся о деньгах.

Это и был тот момент, когда мать сказала громко:

– *Не вздумай посылать мне свои деньги; я их не возьму.*

Твои деньги испачканы кровью.

Глава 3. Сталин. Москва, Кремль. Март 1943 года.

Мизантроп... Сталин никогда не слышал это слово. Что оно значит? Оно не звучит по-русски. Конечно, Сталин – грузин, но все знают, что его русский – идеальный. Ленин и Горький говорили ему это неоднократно. Так почему же он никогда не встречал это слово во всех книгах, что он прочёл?

Сейчас два часа пополуночи. Он сидит за рабочим столом, держа перед собой толстый том под названием *Сталин*. Свинья Троцкий любит вставлять непонятные слова в свои книги. Он написал так: «*Насколько я помню, Сталин всегда был закоренелым мизантропом*».

Не простым мизантропом, но закоренелым!

Сволочь!

На сталинской даче в Кунцево есть библиотека с толковыми словарями. Но здесь, в Кремле, толкового словаря не найдёшь. И нет смысла будить кого-либо из Политбюро – они знают русский хуже, чем он, хотя все они русские. Ну, не все: Анастас Микоян – армянин, Лаврентий Берия – грузин, Ла-

зарь Каганович – еврей... Все остальные – русские.

Конечно, Светлана знает, что такое *мизантроп*, но он не станет спрашивать у неё. Вчера он не сдержался и ударил её. Дважды. Ей уже семнадцать, и он подозревает, что все мысли у неё о мужиках. Берия донёс на днях, что её видели в кино с каким-то евреем лет тридцати. Кто этот грязный жид, который смеет встречаться с дочерью Сталина?! Арестовать гада по 58-й и сгноить на Колыме! «Они сношаются?» – спросил Сталин. Берия растянул в ухмылке свой лягушачий рот: «Наверное. Мы узнаем, если надо».

Мизантроп... Через пять минут Берия явится для еженедельного доклада о тыловой безопасности, и Сталин спросит его об этом слове. Берия – единственный из сталинских соратников, имеющий университетский диплом; все остальные, включая Сталина, – просто революционеры, а революционерам высшее образование ни к чему.

Послышался короткий стук в дверь, и Берия появился на пороге.

– Лаврентий, – сказал Сталин по-грузински, – ты знаешь такое слово – *мизантроп*?

Берия коротко хохотнул. У него длинные тонкие губы, и когда он смеётся, противный квакающий звук возникает в безгубой щели, которая заменяет ему рот.

– Коба, – сказал он, входя в кабинет, – конечно, я знаю.

Сталин почувствовал знакомый прилив раздражения. Во-первых, Берия посмел назвать его *Кобой*. Только те, кто знал

Сталина до Великой Октябрьской революции (а большинство из них Сталин уже расстрелял), имеют право употреблять его революционную кличку. Берия был *никто* в те времена; и значит, этот мерзавец не имеет никакого права даже упоминать славный сталинский псевдоним.

Во-вторых, Берия не должен был изображать из себя такого большого знатока русского языка (да ещё ухмыляться при этом), а должен был отреагировать как-нибудь поскромнее, как реагируют все в присутствии Вождя – например, продемонстрировать некоторое сомнение или небольшую заминку.

– Мизантроп, – сказал Берия, – это человек, ненавидящий каждую личность в отдельности и все человечество в целом. Где ты нашёл это слово, Иосиф?

Сталин не ответил. *Может, еврей Троцкий прав. Может, я действительно ненавижу всех людей. Лучше их ненавидеть, чем любить. Надёжнее их ненавидеть.*

Сталин вставил в рот незажженную трубку и взглянул на Берии.

– Лаврентий, – сказал он, – как ты думаешь, я мизантроп?

Берия помедлил с ответом.

– Ты ненавидишь многих, – осторожно сказал он. – Не только Гитлера, например, но, я думаю, также и Рузвельта, и Черчилля, верно?

Сталин молча кивнул. Он прекрасно знает, что Берия лгун, и убийца, и садист, и насильник, но есть у него одно

качество, которое Сталин не может отрицать: он умён. Берия понимает, что Сталин чувствует в отношении Гитлера странную смесь *ненависти и уважения*; но в равной степени правда и то, что он *ненавидит* Черчилля и Рузвельта *безо всякого уважения*. Сталин *ненавидит и уважает* Гитлера за то, что тот олицетворяет в себе *силу* (он легко может вообразить себя в шкуре Гитлера, творящим в покорённой Европе то, что творит там Гитлер); и он *ненавидит и презирает* своих англо-саксонских союзников за их явно выраженную *слабость* – с их дурацкими понятиями о демократии, правах человека, справедливых выборах и тому подобным буржуазным бредом.

Черчилль – это просто жирная британская свинья, а Рузвельт – хромоногий американский идиот. Сталин справедливо чувствует себя умнее их; ему доставляет неизмеримое удовольствие дурить их налево и направо.

Берия сел за стол напротив Сталина и развернул увесистую кожаную папку. Он начал с доклада об опасных настроениях среди потенциально враждебных немцев Поволжья, которых он сослал, по приказу Сталина, в Казахстан. Он арестовал около трёхсот этих предателей. Пятьдесят семь уже расстреляно. «Почему только пятьдесят семь?» – повысил голос Сталин. Берия тут же пообещал добавить ещё сто.

Далее последовала оценка возможной опасности для Сталина в связи с его будущей поездкой в Тегеран для встречи с Рузвельтом и Черчиллем на так называемой конферен-

ции Большой Тройки. Два идиота, Рузвельт и Черчилль, сопротивлялись, будто их кастрировали, когда он предложил вполне разумную идею провести конференцию в Москве. Берия донёс Сталину, что, по его сведениям, эти англо-саксонские аристократы откровенно говорили между собой, что они считают ниже своего достоинства ехать для переговоров к Сталину. *Ниже их ё...ного достоинства!*

Лаврентий доложил, что двести агентов НКВД уже посланы в Тегеран с приказом очистить иранскую столицу от потенциальных нацистских шпионов и других подозрительных личностей.

Сталин внезапно перебил плавно текущую бериевскую речь.

– Лаврентий, – сказал он, поджигая табак в трубке, – есть какие-нибудь новости о Ленд-Лизе?

Берия удивился. Насколько он помнил, Сталин никогда не употреблял это двойное английское слово – «Ленд-Лиз». Оно звучит странно в сталинских устах. Сталин обычно отзывается о Ленд-Лизе с полупрезрением, называя его «Рузвельтовской благотворительностью» или «крошками с американского стола». Берия слышал неоднократно, как Сталин говорил: «Они шлют нам их жевательную резинку, чтобы мы продолжали проливать нашу кровь. Мы платим русской кровью за их сгущённое молоко, сапоги и сигареты».

– Плохие новости, – неохотно произнёс Берия. Долгий опыт приучил его к тому, что вестник неприятных новостей

в глазах Сталина уже наполовину виновник.

Сталин встал и принялся ходить медленно взад и вперёд позади письменного стола, попыхивая трубкой. Перейдя на грузинский, он спросил тихо:

– Что значит плохие новости, Лаврентий?

– Американцы что-то заподозрили.

– Насчет чего?

– Насчет операции «Шанхай»... Наш человек в Вашингтоне, – добавил Берия, – предупредил нас пару дней тому назад, что американцы начали расследование.

Он замолк, ожидая реакции Сталина.

– Слушай, – сказал Сталин как бы в раздумье, – кто это придумал такое название – «Операция Шанхай»?

– Я.

– Почему «Шанхай»?

– Ну, потому, – пожал плечами Берия, – что речь ведь идёт о нашей политике на Дальнем Востоке.

Сталин продолжал пыхтеть трубкой, пуская клубы дыма.

– Скажи мне, Лаврентий, что за причина для их подозрений?

– Они взяли в плен много япошек на островах в Тихом океане, а те имели в своих желтокожих лапах американские пулемёты, патроны к ним, радиостанции и даже джипы. И янки точно определили, что всё это оборудование было доставлено ими во Владивосток по Ленд-Лизу. Теперь они хотят узнать, как оно попало к японцам.

– Много оборудования?

– Достаточно, чтобы возбудить подозрения.

– Так что они хотят предпринять?

– Они для начала пробуют разобраться в этой загадке при помощи одного журналиста, которого они отправляют на днях во Владивосток. Очень колоритная личность. Авантюрист. Чемпион по дзюдо. Интервьюировал Риббентропа, Долорес Ибаррури, Леона Блюма, Мао Цзэдуна. Ты должен его помнить, Иосиф, – он брал у тебя интервью прошлой осенью.

– Как его зовут? Я забыл.

Берия порылся в своих бумагах.

– Алекс Грин, – сказал он. – Возраст тридцать два. Русский по происхождению. На самом деле он Алексей Гриневский. Жил в Китае с родителями после бегства из России сразу после революции. Свободно владеет русским, английским, китайским и японским. В китайском даже знает несколько диалектов. Главный иностранный корреспондент в «Вашингтон Телеграф». Писал о наших сражениях на Украине, под Москвой и в Сталинграде. Потерял жену и сына в авиакатастрофе. В последнее время сильно пьёт. Есть сведения, что он нам, в общем, симпатизирует.

– Сторонник коммунизма?

– Я бы не сказал.

– Можно завербовать?

– Мы попробуем.

– Грин должен быть нейтрализован, – сказал Сталин, главный мировой специалист по *нейтрализации* врагов – настоящих и мнимых.

Берия взглянул на Сталина сквозь пенсне, припоминая грабежи, похищения, убийства, вымогательства, налёты на банки, поджоги и расстрелы, совершенные молодым революционным гангстером Иосифом Джугашвили, он же Сосо, он же Коба, он же Сталин, прежде чем он стал Великим Вождём советского народа.

– Конечно. Но, Иосиф, мы должны быть осторожными. Он американец. Он наш союзник. Мы не можем просто взять и *ликвидировать* его.

– Тогда следи за ним днём и ночью. Янки не должны обнаружить «Шанхай», что бы ни произошло. Если Грин подберётся слишком близко к разгадке, убей его. Я не должен учить тебя, как это сделать.

Сталин вдруг сморщил лицо в ухмылке, показав неровные зубы, запятнанные табаком.

– Успокойся, Лаврентий, расслабься, не беспокойся о «Шанхае». Ну и что, если наши союзнички обнаружат, что мы их немножечко дурим с Ленд-Лизом? Они не могут прекратить поставки. Они не могут разорвать Ленд-Лиз. Помни – мы платим за него кровью!

Сталин вновь уселся в кресло. Помолчав с минуту, он тихо спросил:

– Лаврентий, скажи мне, он что – *коммунист*, этот твой

человек в Вашингтоне, который тебя предупредил?

– Да. Он работает в самых высших правительственных кругах. Ему нет цены.

Сталин вновь помолчал.

– Объясни мне одну вещь, Лаврентий: почему американец, стопроцентный американец, *здравомыслящий* американец, живущий в самой процветающей стране в мире, едящий самую лучшую еду, живущий в шикарном доме, катающийся на самых лучших машинах – почему *такой* американец хочет быть коммунистом?

Берия пожал плечами, но предпочёл воздержаться от ответа на такой взрывоопасный вопрос.

– Товарищ Берия, – громко и решительно произнёс Сталин, – операция «Шанхай» должна продолжаться – она слишком важна для нас. Если Рузвельт поднимет шум, я знаю, как обуздать его. У меня есть на этот случай пара козырей. Он и эта жирная свинья Черчилль – они легковесы по сравнению со мной.

– Товарищ Сталин, – сказал Берия, вставая, – заверяю вас, что операция «Шанхай» будет продолжена несмотря ни на что.

Глава 4. Алекс Грин. Вашингтон. Март 1943 года.

Кабинет Гарри Ханта в Белом доме производил впечатление места, где хозяин и ест, и спит, и никогда эту комнату

не покидает. Что, кстати, было недалеко от истины. Всё было в состоянии чудовищного беспорядка. Растрёпанные папки, набитые бумагами конверты, какие-то бесхозные страницы и книги, покрытые слоем пыли, были разбросаны по кабинету – по старому письменному столу, по стульям, креслам и по ковру, покрывающему пол.

За два месяца моего почти постоянного пребывания в Белом доме я, конечно, встречал Гарри Ханта, но никогда не разговаривал с ним. Было известно, что он является одним из ближайших советников Хопкинса, доверенного лица самого Президента, но он предпочитал действовать за кулисами, играя роль так называемого *серого кардинала*. Высокий и сутулый, с основательно поредевшими волосами, он беспрерывно курил и, по-видимому, страдал от неважного здоровья: цвет его морщинистого лица был желтоватый, и щёки были впалыми. Ему было всего пятьдесят два, но выглядел он более старым.

Мы застали мистера Ханта за его привычным занятием – он раздавливал в пепельнице одну сигарету и тут же закуривал следующую. Он приветствовал нас кивком и показал на пару стульев, единственных в его офисе, которые были свободны от запылённых бумаг и книг.

– Мистер Грин, – сказал он, – благодарю вас за визит в столь поздний час. Вы курите?

– Ходят слухи, что этот час не такой уж поздний для вас, – ответил я, вытаскивая сигарету «Кэмел» из пачки, которую

он протянул мне.

Он улыбнулся.

– Можно звать просто Алекс?

– Разумеется.

Он затянулся сигаретой и повернулся к Дикку Россу.

– Вы свободны, Дик. Ваше «с девяти до пяти» на сегодня закончено. До завтра.

После ухода Росса Хант с минуту молчал, пуская дым вверх, а затем бросил взгляд на часы.

– Я жду Джорджа Кларка. Вы знакомы с полковником Кларком?

– Вы имеете в виду Кларка из ОСС?

– Да.

– Я брал у него интервью однажды, – сказал я, припоминая внушительную фигуру заместителя директора ОСС. Этой аббревиатурой обозначался так называемый *Офис Стратегических Служб*, предшественник будущего всемогущего ЦРУ – Центрального разведывательного управления. – Не могу сказать, что я выудил у него какую-либо полезную информацию.

Хант кивнул, затянулся сигаретой и взглянул на меня.

– Я очень сочувствую вам, Алекс, поверьте мне, из-за потери ваших близких, – тихо произнёс он, и я ощутил, что его сочувствие было искренним. Я вспомнил вашингтонские слухи о том, что Гарри Хант – очень религиозен; и мне стало понятным его сочувствие к человеку, потерявшему жену и

сына.

Послышался стук в дверь, и на пороге появился полковник Кларк, заполнив почти весь дверной проём своей шестифутовой фигурой, которая даже в гражданской одежде выдавала его военную выправку.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Кофе? – предложил Хант и быстро добавил: – Джентльмены, не сделайте глупость, отвергая моё щедрое предложение в пользу какого-нибудь вонючего виски. Несмотря на тяжёлые времена для нашего отечества, в моём офисе ещё сохранился запас отличного колумбийского кофе.

– И, я надеюсь, лучших кубинских сигар? – промолвил Кларк.

Хант выдвинул ящик стола и вынул табачную коробку. Полковник закурил сигару, и мы с минуту молча пили кофе, заполняя кабинет клубами дыма.

Проглотив одну за другой несколько таблеток, Гарри Хант улыбнулся и сказал:

– Ну, Алекс, давайте займёмся тем приятным бизнесом, ради которого я и пригласил вас.

В последний раз я столкнулся с *приятным бизнесом* сорок минут тому назад в джорджтаунском ресторане, когда официантка принесла мне второй джин. Я пожал плечами, прикидывая, что меня ожидает в ходе этой беседы.

– Не возражаю, – сказал я.

– Тогда не будем ходить вокруг да около, – твёрдо произнёс полковник Кларк. – Вы знакомы с нашей программой *Ленд-Лиз*, мистер Грин?

– Полковник, – сказал я, – позвольте мне сообщить вам кое-что. На русском фронте я видел *Ленд-Лиз* в действии, когда восемь голодных красноармейцев между двумя кровавыми атаками делили пятифунтовую банку американских свиных консервов, заедая их американским хлебом и запивая полстаканом водки... Так что я имею представление, что такое наш *Ленд-Лиз* – это, как любят писать наши газеты, «щедрая бескорыстная американская рука, протянутая нашим новым дорогим друзьям, русским коммунистам», не так ли?

Полковник Кларк и Гарри Хант переглянулись.

– Не совсем, – сказал Хант. – Прежде всего, я не назвал бы эту помощь «бескорыстной». Нам наплевать, что случится с этими восемью красноармейцами, когда они пойдут в атаку против фрицев. Мы ненавидим русских коммунистов в такой же мере – или даже больше, – чем нацистов. Но бандит Сталин сейчас волей-неволей на нашей стороне – и мы должны ему помогать... В общем, дело обстоит так: в марте сорок первого президент подписал *Акт о Ленд-Лизе*, и мы начали посылать нашим союзникам – осаждённым англичанам, отступающим русским, избитым французам и недобитым китайцам – военные материалы, армейское оборудование, грузовики, продовольствие, одежду, даже танки и са-

молёты. Мы поставляем паровозы, баржи, пулемёты, пушки и так далее. Что касается России, то поток материалов по Ленд-Лизу идёт через два порта – Мурманск на Крайнем Севере и Владивосток на Японском море. Мы используем также так называемый «Персидский коридор», идущий через Иран.

– Нет ни малейшего сомнения, что без этой помощи русские не выдержали бы массированного нацистского вторжения, – добавил Кларк. – Немцы смогли добраться до Волги и были там остановлены; но без нашей помощи Красная армия находилась бы сейчас где-нибудь в районе Урала или даже ещё дальше.

Я вспомнил тысячи замёрзших трупов, разбросанных в январе по бескрайней, занесённой снегом степи между Доном и Волгой, вблизи Сталинграда.

– Они еле справились с фрицами даже с нашей помощью, – согласился я. Я встал и подошёл к окну, выходящему на лужайку, окружавшую Белый дом.

– Я благодарен вам, джентльмены, за вашу поучительную лекцию о Ленд-Лизе, – сказал я, – но что вы мне прикажете делать с этой благоприобретённой информацией?

– Вы можете сделать очень много, – ответил Хант, раздавливая окурки в пепельнице. – Если вы готовы помочь нам во время вашего пребывания во Владивостоке, то эта лекция не окажется напрасной.

– Мои боссы в газете дали мне такое задание (я цитирую):

«...показать жизнь на Дальнем Востоке, то есть, передать американской читающей публике особенности и детали повседневной жизни русских в их самом далёком тылу...». Я был выбран для этого задания, потому что никто в «Вашингтон Телеграф», кроме меня, не владеет свободно русским. Я не напрашивался на это задание. Я не хочу ехать в Советский Союз. Я потерял жену и сына, потому что я, как последний идиот, затащил их в Москву год тому назад...

Я замолчал, не в силах продолжать из-за внезапного приступа слёз.

– Гарри, – сказал Кларк, – ваш кофе отличный, но, мне кажется, наш разговор, требует чего-нибудь покрепче.

– Например, глоток старого доброго джина, – пробормотал я, припоминая The Esplanade и улыбающегося мэтра Альфредо, ставящего стакан джина передо мной. Больше всего на свете я хотел сейчас уйти и вернуться в тёплую атмосферу моего излюбленного ресторана в Джорджтауне. Я чувствовал себя смертельно уставшим.

Гарри Хант открыл другой ящик, содержащий внушительный запас спиртного, и, к моему удивлению, быстро и мастерски смешал два стакана джина-тоника. Было очевидно, что он эксперт в этом деле – наверное, со времён своей юности, – но было ясно, что он к нам не присоединится.

Держа в руке стакан, полковник Кларк подошёл ко мне и прислонился к подоконнику.

Я залпом прикончил мой джин.

– Так что это значит – «помочь вам во время моего пребывания во Владивостоке»? – спросил я. – Что это за помощь?

Хант открыл увесистую папку и пролистал несколько страниц.

– Пожалуй, стоит начать с донесения штаба вице-адмирала Холси, нашего командующего Южным тихоокеанским сектором. – Он взглянул на меня. – Донесение датировано этим февралём. Вы читали, конечно, о тяжёлых боях на Тассафаронге и на других островах Гуадалканала. Мы захватили там несколько дюжин проклятых япошек. Они, в общем, выглядели, как выглядят все пленные: грязные, измученные, раненные, все в изодранных мундирах... В одном только они отличались от других пленников – они все держали в своих грязных, покрытых кровью руках *не японские автоматы, а американские «Томпсоны»...*

Он закурил очередную сигарету.

Полковник Кларк, повернувшись ко мне, добавил:

– Двенадцатого февраля мы взяли форт Буна в джунглях Новой Гвинеи. Из пятнадцати японских пленных одиннадцать имели такие же автоматы «Томпсон», что и пленники на Тассафаронга.

– И что же? – произнёс я, прикидывая, что значит эта странная статистика.

Кларк подошёл к столу, налил стакан джина и сказал между двумя глотками, игнорируя мой вопрос:

– Имейте в виду, что союзники употребляют три типа ав-

томатов: американский «Томпсон» и британские «Брен» и «Стен». Месяц тому назад, когда наши морские пехотинцы захватила атолл Макин на Гильбертских островах, они рапортовали, что *все* японцы имели последние модели «Томпсонов», но ни один не имел британских моделей.

– Джентльмены, давайте покончим с этими загадками. Как я вписываюсь в эту картину? Чем я могу вам помочь с этими автоматами?

Хант поднял руку.

– Минуту терпения, Алекс! Есть в этих событиях один «общий знаменатель», как любят говорить плохие политики и хорошие математики, а именно: все эти автоматы и патроны к ним, а также другие военные материалы были поставлены нами для наших русских союзников *через порт Владивосток*, прежде чем они оказались в руках у японцев! Через тот самый Владивосток, куда вы отправляетесь с вашим редакционным заданием.

– Как насчёт Мурманска?

– Невозможно!

– Персидский коридор?

– Нет, нет и нет!

– Может, япошки захватили парочку американских складов, где хранилось это оружие?

– Ответ отрицательный, – сказал Кларк. – Японцы действительно захватили два склада в бирманском Мандалае, но это были не американские, а английские склады, и в них

хранилось только продовольствие.

Хант встал, обошёл стол и сел на угол стола, прямо передо мной.

– Алекс, – промолвил он, наклоняясь ко мне и глядя мне в глаза, – мы хотим разрешить эти, как вы говорите, загадки. Мы не можем представить себе, что русские снабжают наших врагов военными материалами. К чему им это? Они, правда, не воюют сейчас с японцами, точнее, *ещё не воюют...* У япошек есть даже консульство во Владивостоке. И всё же это враждебный мир, который может завтра обернуться войной... Может, коррумпированные русские чиновники делают на этом деньги? Но как? Едва ли это осуществимо... Вы знаете русский, китайский и японский; и как журналист вы будете иметь относительную свободу передвижения по Владивостоку – ту свободу, которую не имеют наши ребята из консульства и ОСС. Вы прошли сквозь огонь и воду в России и Китае. И я даже слышал, что у вас есть чёрный пояс по дзюдо – это верно?

Я кивнул, а затем внезапно прыгнул вперёд и совершил правой ногой молниеносный круг высоко в воздухе.

– Это называется «харай цурикоми аши», – пояснил я. – Классическая атака в дзюдо. – Я видел, что Хант ошеломлён этим неожиданным уроком самозащиты без оружия.

Кларк одобритительно зааплодировал.

– Bravo, Алекс, bravo! Теперь мы хотели бы, чтобы вы нанесли такой же *цурикоми* тем неизвестным, которые пе-

реправляют наши ленд-лизовские товары проклятым япошкам. Наше мнение твёрдо: тайна этой диверсии кроется где-то глубоко во Владивостоке.

Глава 5. Серёжка. Владивосток, Апрель 1943 года.

Городской суд Владивостока помещается в старом, облицованном камнем здании, стоящем на склоне сопки недалеко от нашей школы. Говорят, при царях это был лютеранский собор, с громадным центральным залом и балконом, на котором, как говорил нам учитель истории, стоял орган, и хор пел всякие реакционные христианские псалмы.

Мне с Танькой надо было пройти всего сто метров от нашей школы по улице Карла Маркса, чтобы добраться до суда. Вообще, каждый мог всегда войти в это здание без проблем, – но не сегодня. Как только мы прошли через ворота и ступили на покрытый булыжником двор, то внезапно увидели часового, стоящего у входа. Значит, внутри заседает *военный трибунал*. Впрочем, вид морского пехотинца с автоматом «Дегтярёв» может испугать кого-нибудь другого, но не меня. Я просто повернулся, и мы с Танькой быстро обошли здание. Я знал, что с задней стороны двора есть небольшая дверь, ведущая в кочегарку. Как я и ожидал, дверь не была заперта. Мы влезли на кучу угля, оставшегося с зимы, и пробрались через другую дверь внутрь, в тёмный и сырой коридор.

Мы пробежали на цыпочках по коридору и взобрались на балкон – на тот самый балкон, где тридцать лет тому назад стоял церковный орган.

Я был прав: в зале на самом деле шло заседание военного трибунала.

Я потянул Таньку за рукав, и мы проползли бесшумно по полу до балконных поручней. Почти елозя носом по грязному полу, я приподнял голову и осторожно глянул вниз.

Нам повезло, мы оказались на месте вовремя – как раз в этот момент военный прокурор объявил торжественным голосом:

– Прокуратура вызывает свидетелем Главного следователя НКВД.

Я не мог видеть лица военного прокурора, хотя я, конечно, знал, кто он.

– Это твой отец? – прошептала Танька.

Я кивнул. Это и вправду был мой отец, подполковник Дроздов, Главный прокурор НКВД. Я видел много раз, как он выступал в трибунале в роли обвинителя по делам, касающимся преступлений, совершённых военнослужащими 13-й Резервной армии и моряками Тихоокеанского флота.

Но я сразу увидел, что *это* дело были иным. Потому что на скамье подсудимых сидели не солдаты или матросы, а два мужика и одна женщина – все в гражданской одежде.

Два морских пехотинца стояли позади обвиняемых.

В полупустом зале суда совсем не было гражданских;

только несколько офицеров НКВД сидели тесно друг около друга. Трое судей – один полковник и два майора – сидели на трибуне позади длинного стола, покрытого красной скатертью. Не было видно защитников, и их стол был пуст. Я уже знал, что обвиняемые в военном трибунале не имеют права на адвокатов.

Конечно, в зале суда присутствовали ещё двое гражданских, в дополнение к тем, что сидели на скамье подсудимых, – я и Танька, но мы были тут незаконно, как я бывал здесь много раз, скрываясь обычно на балконе. Я иногда думаю; а что если меня тут найдут и приведут к моему отцу... Он, наверное, врежет мне по морде, как он делал не раз, когда я был пацаном. Сейчас он, слава богу, не живёт с нами, и я могу ненавидеть его не так сильно, как раньше, когда он лупил меня чуть ли не каждый день. Почему он бил меня так часто по самому малейшему поводу? Зачем? Что это давало ему? Он просто жестокий человек, как говорит мама. Вот мама, даже если я в чём-то виноват, никогда не тронет меня даже пальцем; она только вздохнёт, и слёзы покажутся в её голубых глазах, красивей которых нет ни у кого на свете, и она посмотрит на меня долгим взглядом и попросит вести себя лучше. И я тут же чувствую свою вину, и даю себе слово не хулиганить и не делать ничего такого, что может её огорчить.

Но вот что странно насчёт меня и моего отца – вы не поверите, но я чувствую гордость, когда я вижу его в суде, с

его властью, авторитетом и уважением со стороны судей и публики. И потом, он очень красивый мужчина, особенно, в форме подполковника НКВД. Так что я понимаю, почему мама сделала ошибку, когда она вышла за него замуж в семнадцать лет. Но, с другой стороны, если б она не вышла за него, меня бы не существовало, верно? В общем, как Мишка прочитал мне из одной, как он говорит, «философской книжки»: *всё, мол, в жизни позитивное и негативное в одно и то же время.* («Позитивное и негативное», объяснил мне Мишка, означает «хорошее и плохое»).

Я посмотрел на трёх несчастных, сидящих на скамье подсудимых. Я был уверен, что никогда не видел двух из них – толстого мужика лет сорока и блондинистую бабу, сидящую посередине, между мужчинами, – но я знал очень хорошо третьего, молодого парня по имени Лёва. У него было длинное лошадиное лицо и выпяченная челюсть.

Таня лежала рядом со мной, слегка касаясь меня своей ногой. Это меня волновало (у меня даже голова начала немножко кружиться, должен вам сказать), но я в то же время чувствовал от этого какое-то странное неудобство. На всякий случай я отодвинул свою ногу от её ноги.

Я смотрел, как Главный следователь НКВД, держа толстую папку в руках, подошёл к свидетельскому креслу. Отец, стоя за своим столом, спросил:

– Свидетель, назовите ваше имя и должность.

– Немцов, Валентин Николаевич, подполковник, Главный следователь Госбезопасности Приморского края.

– Товарищ подполковник, узнаёте ли вы подсудимых?

– Да.

– Назовите, пожалуйста, их имена.

– Воловик Евгений, Николаева Галина, Гришин Лев.

– Подполковник, вы вели следствие по делу этих лиц, обвиняемых в совершении преступлений, перечисленных в восьми пунктах обвинительного заключения, не так ли?

– Так точно.

– Прочитайте, пожалуйста, заключение вашего следствия по отношению к подсудимому Евгению Воловику.

Толстяк Воловик, чей выступающий живот и налитая жиром шея были мне хорошо видны, шевельнулся на стуле и наклонился вперёд, прислушиваясь.

Таня пододвинулась ко мне и прошептала:

– Ты видишь эту жирную свинью? Это мамин друг. В общем, не друг, а любовник. Она спит с ним раз в неделю. Иногда даже два раза. Он приносит нам масло, колбасу и сахар. Воруга!

Я повернул голову и взглянул на неё. Слёзы текли по её щекам.

Следователь открыл свою папку.

– Евгений Воловик, – прочитал он. – Дата рождения – пятнадцатое апреля тысяча девятьсот второго года; русский;

член ВКПБ; женат; двое детей; должность – бывший директор контейнерных складов Владивостокского порта с октября тысяча девятьсот сорок первого года. Материалы следствия, включающие множество обнаруженных документов, фотографий, сделанных в результате скрытого наблюдения, крупных денежных сумм, золота и драгоценных камней, а также письменные признания обвиняемых доказывают, вне всякого сомнения, что гражданин Воловик, в промежуток времени между декабрём тысяча девятьсот сорок первого и датой его ареста в феврале тысяча девятьсот сорок третьего года, действуя в тесном сотрудничестве с другими подсудимыми, был инициатором и главным участником многочисленных актов похищения, доставки на чёрный рынок и преступной перепродажи американских продуктов питания, доставленных в порт Владивостока согласно советско-американскому договору, известному под названием «Ленд-Лиз»...

Это был уже второй раз, когда я услышал это странно звучащее слово – «Ленд-Лиз». Первый раз его упомянул Мишка, когда мы с ним ловили рыбу неделю тому назад.

Ленд-Лиз... Это слово, конечно, из английского языка, на котором говорят американцы, у которых нет своего, американского, языка, как у всех народов – как у нас, например. Я и мои кореша – мы уже знаем несколько английских слов, к примеру: *чунг-гам, порк, виски, Лаки-Страйк, Кэмел, джип, джаз, Студебекер, Рузвельт...*

Танька прошептала мне на ухо:

– Их расстреляют?

Я кивнул.

– Наверное, – пробормотал я.

Нет, не «наверное». Я был абсолютно уверен, что их расстреляют – всех троих. Во всех военных трибуналах, где мой отец был прокурором, приговор был всегда один и тот же – расстрел. Я помню заседание трибунала, когда на скамье подсудимых сидели два солдата 13-й Резервной армии – два парня восемнадцати и девятнадцати лет. Что сотворили эти два недоумка, было просто идиотским! Один из них получил приказ отправиться в действующую армию, на фронт – может быть, даже под Сталинград, где шли ужасные кровавые бои. Он попросил своего друга отстрелить ему пальцы на правой руке с расстояния, может, пять метров. Ну а потом он сказал начальству, что это был несчастный случай.

Но никто ему не поверил. Их обоих арестовали. Отец выступил в трибунале с обвинением – и оба были расстреляны.

А была ещё одна кошмарная судебная история. Какой-то матрос с крейсера, стоящего в порту, обедая, чуть не подавился человеческим ногтем в котлете. Слухи об этом тут же распространились по городу, и началась страшная паника. Было срочное расследование, и были арестованы восемь человек из центральной столовой Тихоокеанской эскадры. Их преступления были просто невероятными! Они выкапывали

свежепогребённые трупы из могил и смешивали их мясо с говядиной. И готовили из этой тошнотворной смеси котлеты для моряков. А сэкономленную говядину воровали и продавали на барахолке или уносили домой.

И это был мой батя, который произнёс обвинительную речь. Он сказал: «Товарищи судьи, не должно быть никакой пощады этим гробокопателям, этим преступникам, этим вора́м, которые отравляли пищу для наших храбрых моряков и солдат! Прокуратура просит уважаемый трибунал присудить всех обвиняемых к высшей мере наказания».

Я знаю эти слова наизусть. Только иногда, вместо слов «...к высшей мере наказания», отец употребляет ещё более страшные слова: «...к смертной казни».

Нет сомнения, что все восемь были расстреляны, наверное, в подвале мрачного серого здания НКВД на улице Октябрьской Революции.

И я ожидал, что этот суд, который мы наблюдали с Танькой, закончится точно так же – теми же словами, которые произнесёт мой отец громким стальным голосом. И в ту же ночь подсудимые Воловик, Николаева и Гришин будут казнены...

...Главный Следователь НКВД кончил читать заключение следствия и снял очки. Я знал, что последует за этим. Они посадят Воловика на свидетельское кресло, и в течение последующих двух часов мой батя будет мучить его вопросами,

произносимыми его жёстким обвиняющим голосом.

Я смотрел на спину отца, на его красивую форму подполковника НКВД – и вдруг я стал воображать что-то необычное, нечто, как будто пришедшее из кошмарного сна: *я стал воображать себя на месте преступника Воловика.*

Книжный червь Мишка читал мне однажды книгу «Американская трагедия», где один идиот убил свою любовницу, за что его и присудили к смерти на электрическом стуле. Мишка сказал мне, что американские свидетели должны класть руку на библию и клясться, что они будут говорить правду и ничего, кроме правды. У нас, слава богу, в судах нет никаких библий, и никто не должен клясться, что он будет говорить правду. Потому что я, например, запросто совру в суде, если нужно. По правде говоря, я очень хороший врун.

Отец смотрел на меня и хмурился.

– Назови своё имя.

– Дроздов Сергей.

– Назови дату своего рождения.

Он что – не знает, когда я родился? Он мне отец или кто?

– Тринадцатое апреля тысяча девятьсот двадцать девятого года.

– Так тебе четырнадцать, верно?

– Верно.

– Ты посещаешь школу?

Что за дурацкий вопрос задаёт Главный Прокурор НКВД! Каждый пацан в Советском Союзе ходит в школу. Это по-

чти преступление – не посещать школу. Так зачем задавать такой идиотский вопрос?!

– Конечно.

– Ты хороший ученик?

– Так себе.

– Почему «так себе»? Почему ты не можешь быть таким же отличным учеником, как твой брат, который является лучшим учеником в своём классе?

Я пожал плечами. Я слышал этот вопрос, наверное, сто раз от моего отца, и мне этот вопрос надоел хуже горькой редьки.

– Может быть, это потому, что ты занят другими делами? – спросил отец и взглянул на судей. Те уставились на меня со зловещими ухмылками на лицах. – Может, ты расскажешь суду о своих делах *после* школьных занятий?

– Я не понимаю, – пробормотал я, хотя я отлично понял его вопрос. Но, как я сказал, я должен был врать, и врать, и врать, если я хотел как-то выкрутиться из этого положения.

– Хорошо, я попробую сделать свой вопрос более понятным. Свидетель Дроздов, посмотри на подсудимых. Ты узнаёшь их?

– Нет.

– Ни одного?

– Нет, ни одного.

– Ты когда-нибудь встречал подсудимого, сидящего справа у двери?

– Я думаю, что нет.

– Имя Лев Гришин знакомо тебе?

– Лев... кто?

– Гришин.

– Никогда не слышал.

Отец порылся в своих бумагах и вытащил оттуда две фотографии. Он подошёл к судейской трибуне и передал снимки судьам. Полковник и два майора рассмотрели фотографии, покачали головами, посмотрели на меня с явным презрением и отдали снимки отцу.

– Свидетель Дроздов, – сказал отец, сунув мне в руки эти фотографии, – ты узнаёшь людей на этих снимках?

Я посмотрел на фотографии. На первом были показаны крупным планом я и Гришин на фоне грязной кирпичной стены. Я держал в руках брезентовый мешок, и Гришин совал туда пачки американских сигарет. Второй снимок представлял собой такую сцену: я стоял на нашей барахолке, окружённый небольшой толпой. Брезентовый мешок лежал у моих ног. Одной рукой я протягивал две пачки американских «Лаки-Страйк» солдату, а в другую он вкладывал пачку мятых десятирублёвок.

– Ну так сейчас, – говорил отец с презрительной гримасой на лице, – я надеюсь, ты узнаёшь гражданина Гришина?

Я молчал.

– Да или нет?!

– Да, – пробормотал я.

– Так почему же ты лгал? И почему ты занимаешься перепродажей ворованных товаров? Тебе только четырнадцать, а ты уже вор, ты – преступник! Ты понимаешь это? Почему ты делал это?!

Я посмотрел в его глаза, сузившиеся от гнева.

– Потому, – сказал я, – что я был голоден. И мой брат был голоден. И моя мама была голодна. Вот почему...

Глава 6. Алекс. Тихий Океан. Апрель 1943 года.

Мне было двенадцать, когда отец рассказал мне историю капитана Лаперуза. Даже сейчас, двадцать лет спустя, я отлично помню, что не бесстрашные путешествия знаменитого француза произвели на меня такое сильное впечатление – во всяком случае, вначале, – а меня поразило его пышное аристократическое имя.

– Пап, – сказал я, – повтори, как его звали.

Отец усмехнулся и произнёс со звучным грассированием в голосе:

– *Жан-Франсуа де Галаун, граф де Лаперуз!*

Заворожённый этим именем, я повторил:

– Граф де Лаперуз... Ну и ну! Вот так имечко! Пап, как ты умудряешься так красиво картавить? Я картавить не могу.

Отец рассмеялся.

– Мы, Алёша, русские. Мы славяне. В славянских языках нет картавости. Попроси маму научить тебя французскому –

и ты скоро начнёшь картавить, как настоящий француз.

– Мне до смерти надоели её уроки английского, по правде говоря... И в английском тоже надо картавить, но по-другому. У французов получается красивее. А как насчёт китайского? Китайцы картавят?

– Я не заметил. Я не знаю китайского.

– Но ты ведь работаешь с китайцами. Мог бы и заметить.

Отец пожал плечами.

– Я слишком устаю на работе, Алёша, чтобы замечать, как китайцы разговаривают, – сказал он. – И в любом случае, мы в Китае временно. В один прекрасный день мы вернёмся в нашу страну. Наше место – в России.

Я слышал эти слова бесчисленное количество раз. Их повторяли вновь и вновь: «Наше место – в России...», «Мы принадлежим России...», «Мы вернёмся в Россию – рано или поздно!». Отец говорил эти слова; мама произносила их. Наши друзья, русские эмигранты, повторяли эти заклинания изо дня в день. Они бежали в 1922 году в китайскую провинцию Манчжурия из Читы, Хабаровска и Владивостока, спасаясь от наступающей Красной армии.

Но в глубине моего сердца я чувствовал – я знал! – что мы не вернёмся в ту страну, которую мои родители и их друзья называли – часто со слезами на глазах – Матушкой-Россией. Отец и почти все его друзья работали грузчиками в порту. Мы жили в бедняцких кварталах на окраине Порт-Артура, населённых большей частью русскими эмигранта-

ми. Это был тот самый Порт-Артур (по-китайски, *Лушунь*), где японская императорская армия разгромила императорскую армию России в 1904 году.

...– Пап, – спросил я, – что он открыл, капитан Лаперуз?

– О, он был замечательный человек и великий мореплаватель! – воскликнул отец. Его голос всегда звучал взволнованно, когда он рассказывал о географических открытиях и исторических событиях. Перед войной и революцией он был профессором Московского университета.

– Ты сказал, что он отправился в путешествие по Тихому океану в 1785 году, верно?

– Да, из французского порта Брест. В его распоряжении было два фрегата – «Астролябия» и «Буссоль». Эта смелая экспедиция длилась четыре года. Ты можешь себе представить, Алёша, – четыре долгих года, вдали от дома и семьи, где-то между незнакомыми землями со странными названиями Санта Круз, Соломоновы острова, Аляска и Новая Каледония!..

– Недалеко от Манчжурии?

– Нет, – сказал отец, – он не был в Манчжурии. Но в 1787 году он оказался первым европейцем, проплывшим между двумя островами, Сахалином и Хоккайдо. Этот пролив, соединяющий Тихий океан с Японским морем, так и называется – *пролив Лаперуза*...

...Я припомнил этот разговор, сидя с Джимом Крэйгом на верхней палубе «Феликса Дзержинского» – советского грузового корабля, завершавшего долгое путешествие из Сан-Франциско во Владивосток. Мы не могли плыть на американском судне. Ни один американский корабль не мог пересечь безнаказанно Тихий океан из-за опасности японских подводных атак. Но русские были в то время в мире с японцами – и японцы не осмеливались нападать на советские корабли.

Оба гористых острова, Сахалин и Хоккайдо, были ясно видны в этот солнечный день на горизонте. Было трудно увидеть пролив Лаперуза между ними, но я знал, что он там, точь-в-точь как мой отец поведал мне двадцать лет тому назад.

– *Сойя Кайкио*, – сказал Джим, искусно имитируя японский акцент.

– *Пролив Лаперуза*, – перевёл я.

– Точно, – кивнул Джим, подливая себе виски. – Япошкам наплевать на это европейское название – пролив Лаперуза. Это их острова и их пролив. То есть, это *их*, пока мы не раскрасили им их жёлтые рожи, и тогда наш старый добрый звёздно-полосатый флаг взовьётся по обе стороны их *Сойя Кайкио*! – Он засмеялся, довольный своим красноречием. – Но ты, я вижу, знаешь японский.

Я пожал плечами.

– Не особенно хорошо. Китайский я знаю намного лучше.

Джим Крэйг – американский консул во Владивостоке. Ему сорок шесть; мне – тридцать два. Он – бывший полковник, превратившийся в дипломата; я же – журналист из «Вашингтон Телеграф». Он – типичный американский ирландец; а я – не совсем типичный американец русского происхождения.

Мы с Джимом – антиподы, но за время нашего долгого путешествия между Калифорнией и советским Дальним Востоком мы, единственные американцы на этом русском холодильнике, стали почти друзьями.

– Алекс, – сказал Джим, – ты знаешь, это корыто, названное по имени их кровожадного шефа тайной полиции, было построено американцами.

– Не может быть! – удивился я. – Наш капитан сказал мне однажды, что «Дзержинский» был построен в Ленинграде.

Джим объявил между двумя глотками виски:

– В общем, это правда. Но капитан не сказал тебе – а, может, он просто не знает, – что в тридцатые годы, в разгар безработицы в Штатах, русские наняли сотни американских инженеров, техников и рабочих и перевезли их в Россию. Мы построили им автомобильные заводы, металлургические гиганты, тракторные заводы и корабельные верфи. Мой отец был в это время безработным сварщиком в Коннектикуте. В тридцать втором он взял в охапку нашу семью и перебрался в

Ленинград, чтобы вкалывать на их верфях. Там я и научился русскому языку. И теперь из-за моего русского я должен торчать в этой богом забытой дыре под названием Владивосток, вместо того чтобы воевать с проклятыми макаками на Тихом океане!

– Ты знаешь, я родился во Владивостоке, – сказал я.

Джим посмотрел на меня с удивлением.

– Не может быть! На самом деле?

Я кивнул, глядя на два острова, медленно приближающиеся к нам.

– Мой отец был профессором истории в Москве. В 1910 году он был послан с экспедицией на Дальний Восток для изучения быта и истории нанайцев и других туземцев. Отец и его помощники трудились как древние рабы, в глубине тайги, пропадая там по месяцу и больше, пока моя мать с моей сестрой ожидали его возвращения. А затем случилось чудо – годом позже родился я!

– А потом случилось другое чудо! – воскликнул Джим. – Ты с мамой, папой и сестричкой перебрались в Штаты! Верно?

Я усмехнулся и хлебнул виски. Если б это было так легко!

– Нет, – сказал я. – Между Россией и Америкой был Китай, годы и годы в Порт-Артуре, Харбине и Шанхае, было возвращение моей матери с сестрой в Советский Союз, было самоубийство отца... – Я налил себе ещё один стакан. – Ты знаешь, моя мать всегда говорила, что Владивосток – один

из самых красивых городов в мире, с его живописными холмами – сопками, как их там называют. Она говорила, что он напоминает ей Сан-Франциско, где она была туристом до революции. Это правда?

Джим пожал плечами.

– И да и нет, – сказал он. – На первый взгляд, да, они очень похожи – эти два холмистых города у океана. Даже их бухты носят одно и то же имя – «Золотой Рог». Но на этом их сходство и кончается. Сан-Франциско – это воплощение богатства. Но проведи только пару дней в коммунистическом Владивостоке – и ты не увидишь ничего, кроме нищеты и мрачности повседневной жизни. Может быть, это война – не знаю... И всё же я подозреваю, что и до войны Владивосток был точно таким же. Представь себе: в городе с населением в триста тысяч человек нет ни одного кафе! Есть театр, четыре или пять кинотеатров, парочка дорогих ресторанов для местных боссов и огромная, как они называют, *барахолка*, то есть то, что в старой доброй Америке называют *блошиным рынком*. Там можно купить по астрономическим ценам американский хлеб, и американское сало, и американские сигареты, и американскую жевательную резинку. – Он покачал головой. – Владивосток сейчас – практически *американский город* благодаря нашему Ленд-Лизу. – Он вдруг прервал себя. – Смотри-ка, кто идёт к нам...

Молодая женщина, одетая в докторский халат, подымалась по лестнице с нижней палубы.

– Мистер Крэйг, – строго сказала она, подойдя к нам и направив указательный палец на полупустую бутылку виски, стоящую у его ног, – вы, видимо, забыли, что я запретила вам пить. У вас давление – сто восемьдесят. Вы ведь не хотите отдать концы до вашей обещанной победы над японцами, не так ли? – В её русском слышался едва заметный след украинского акцента.

Джим встал.

– Анна Борисовна, побойтесь бога! Мы – я и Алекс – празднуем близкое окончание нашего путешествия через океан, а какое может быть празднование у настоящего ирландца, то есть, у меня, без стакана виски?

Не отвечая ему, она повернулась ко мне.

– Мистер Грин, я хотела бы видеть вас в моём кабинете, скажем, в полдень. Хорошо? Для быстрого обследования вашего здоровья: кровяное давление, пульс, лёгкие и прочее.

Затем Анна Борисовна схватила нашу бутылку с остатками виски, повернулась и удалилась той же энергичной походкой, какой она приблизилась к нам пять минут тому назад.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Я не знаю, как наш капитан может спать с этим чудовищем, – сказал Джим. – Я определённо не смог бы.

Я удивился.

– Она что – капитанская любовница? Я этого не знал.

– Не только она его *куртизанка*, как говорили в сентиментальных романах прошлого века, но она также являет-

ся секретарём партийной организации на этом корыте. То есть уважаемая Анна Борисовна искусно сочетает грязную похоть с идеологической чистотой. – Джим ухмыльнулся и закурил. – Но, Алекс, я, признаться, несколько удивлён. Ты опытный журналист – и ты был в неведении насчёт такого важного факта, как похотливое сосуществование *товарища капитана с товарищем доктором!*

– Мои боссы, – сказал я, – послали меня во Владивосток не для того, чтобы копаться в русских любовных историях.

Не знал я тогда, что мне вскоре придётся основательно покопаться в этих любовных историях и даже попасть в одну из них самому.

Глава 7. Полковник Кларк. Нью-Йорк, апрель 1943 года.

По пути в госпиталь «Кони-Айленд» Кларк вспоминал из ряда вон выходящую роскошь, которой окружали себя президент Рузвельт и его правая рука, Гарри Хопкинс, когда им приходилось навещать Нью-Йорк. Оба всегда останавливались в самом шикарном отеле «Уолдорф-Астория», гордящимся своим показным богатством. Когда они оба оказывались там, нормальная гостиничная жизнь заканчивалась. Многочисленные телохранители были рассыпаны по всему зданию сверху донизу. Целые этажи были не заняты никем. Все мало-мальски подозрительные лица эвакуировались.

Кларк не любил весь этот шум и гам. Оставляя Вашингтон для посещения *имперского города* (как многие называли Нью-Йорк), он обычно брал с собой только одного телохранителя и останавливался в семьях своих старых друзей, которых он знал на протяжении двадцати лет, со времён его довоенной службы в Китае, Бирме и Индонезии.

Но сейчас, в этот двухдневный визит в Нью-Йорк, ситуация будет иной. Хотя он и не любил останавливаться в отелях, но на этот раз ему придётся с этим смириться. И причиной для этого была симпатичная блондинка в больших круглых очках на носу, сидящая сейчас на заднем сиденье «Бьюика» рядом с ним. Именно её рекомендовал Кларку Джон Эдгар Гувер.

...Вчера Кларк сказал по телефону могущественному директору Федерального бюро расследований, более известного под аббревиатурой ФБР:

– Мистер Гувер, мне нужен кто-нибудь из ваших парней, имеющий опыт работы с коммунистами и знающий, как надо говорить с ними и как понимать их.

– На какой срок?

– Два-три дня.

– Для чего?

– Мне надо побеседовать с видным членом Американской компартии.

Гувер расхохотался.

– Побеседовать для приёма на работу? – Его хохот был похож на прерывистый лай.

– Я был бы не прочь, – вздохнул Кларк. – Она была бы прекрасным двойным агентом. Мне нужна копия её досье, мистер Гувер.

– Так это *она*, а не *он*?

– Да.

– Её имя?

– Элизабет Гриффин.

Гувер помолчал.

– Ну что ж, полковник, – сказал он, – я знаю этого видного члена компартии очень давно. Я дам вам моего лучшего эксперта по *справедливому делу пролетариата*, как любил выражаться их пророк Карл Маркс. Это тоже *она*, а не *он*. Её зовут Марта Доран, и она у меня занята в исследовательском отделе. Докторская степень в международных отношениях; пять лет рядовой работы; три года в исследованиях, и тэдэ, и тэпэ... Читала всё, написанное и произнесённое Марксом, Лениным, Троцким и Сталиным, начиная с «Коммунистического манифеста».

– Сколько ей лет?

– Около тридцати.

...Кларк взглянул искоса на *лучшего эксперта по коммунизму*. Её голова покоилась на спинке сиденья, глаза были плотно закрыты. Ей никак нельзя было дать тридцать; Клар-

ку казалось, что ей не больше двадцати двух.

Они мчались вдоль прибрежной бруклинской трассы *Belt Parkway*, приближаясь к *Ocean Avenue*. Они уже обсудили в деталях предстоящий визит в ту палату, где Элизабет Гриффин лежала сейчас в состоянии, которое доктора называли исключительно тяжёлым. Когда они покинули Вашингтон, Марта Доран сказала:

– Полковник, я знаю Элизабет примерно с восемнадцатью лет. Мы обе жили в общежитии колледжа Вассар, в соседних комнатах.

Наверное, в тысячный раз в своей жизни Кларк поразился, как судьба прокладывает совершенно разные пути для двух, казалось бы, абсолютно одинаковых людей. Две девушки учились в одном и том же колледже, жили в соседних комнатах, читали одинаковые книги, смотрели одинаковые фильмы, крутили любовь со знакомыми парнями из соседнего колледжа, – а каков оказался результат?.. Одна стала ценным сотрудником Федерального бюро расследований, а другая получила членский билет Коммунистической партии США и превратилась в не менее ценного советского шпиона.

– Она была хорошей студенткой? – спросил Кларк, инстинктивно ожидая положительный ответ.

– Исключительной! Лиз была, несомненно, лучшей студенткой колледжа...

Машина покинула шоссе и свернула к автостоянке госпи-

таля.

– Джон, – сказал Кларк, – вы свободны на два часа. Здесь за углом – итальянский ресторан; можете неплохо пообедать.

Водитель, бывший морской пехотинец, знавший Кларка ещё с тех далёких времён, когда тот был юным лейтенантом, кивнул, развернул машину и покинул стоянку.

Кларк и Марта вошли в вестибюль. Старый лифт, слегка раскачиваясь и поскрипывая, доставил их на четвёртый этаж. Лысоватый мужчина, одетый в помятый костюм, сидел у дверей палаты, читая «Нью-Йорк таймс».

– Полковник, – сказал он, вставая и складывая газеты, – доктора ушли двадцать минут тому назад. Она дремлет сейчас. Ей, кажется, немного лучше.

Кларк и Марта осторожно вошли в палату. Комната была погружена в полутьму. Элизабет Гриффин лежала на боку, уткнувшись в подушку.

Кларк смотрел на хрупкое тело, покрытое с ног до головы простынёй, и думал о странном и запутанном пути, приведшем эту образованную и привилегированную американку в лагерь беспощадных и неумолимых врагов Америки.

Объёмистое досье Элизабет Гриффин было полно сухих описаний многочисленных и неожиданных поворотов судьбы, доставшихся на её долю. Досье занимало внутренности большого портфеля, стоящего сейчас у ног полковника.

Кларк не удивился, прочитав в досье, что её родители были профессорами Йельского университета. Почти все

видные американские демократы-либералы и даже марксисты принадлежали к обеспеченным и образованным кругам. Несомненно, её отец и мать были стойкими либералами, каковыми были несколько поколений многих жителей Новой Англии. Нет ни малейшего сомнения, что они внушили юной Лиз благородные идеи социальной справедливости и ответственности. Разумеется, они были горячими сторонниками рузвельтовского *Нового Курса*; и президент, сам либерал, подобный им, оплатил родителям Элизабет, назначив её отца, профессора Адама Гриффина, на престижную должность посла в Риме.

Юная Лиз, выпускница колледжа Вассар, поступила на факультет латинских языков университета Флоренции. Это было то время, когда идеи фашизма Муссолини воспринимались многими как воплощение святейших мечтаний социалистов; и неудивительно, что Лиз Гриффин погрузилась с энтузиазмом в ежедневную деятельность студенческой организации *Gruppo Universitate Fascisti*.

Досье в портфеле Кларка содержало кое-какие подробности сексуальных отношений между Лиз и синьором Массимо Ди Анджело, главарём флорентинской ячейки *Gruppo*. Сведения о подобных же связях между мисс Гриффин и полудюжиной других членов фашистских ячеек во Флоренции и Риме были также включены в досье. Синьор Ди Анджело был временным профессором итальянского языка, но он был, несомненно, постоянным преподавателем секса в спальне её

флорентийской квартиры.

Прожив три года в Риме и став свидетелями бесчисленных парадов чернорубашечных бандитов и почти ежедневных речей маньяка Бенито Муссолини, Адам Гриффин и его глубоко интеллигентная супруга решили, что они пресытились современной Италией. Мистер Гриффин вышел в отставку, и они возвратились в свой любимый Йель. Они, однако, не смогли уговорить свою строптивую дочь последовать их примеру и вернуться в Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Вместо этого она поступила в Гарвардский университет в Бостоне, на отделение подготовки докторов наук. Было не совсем ясно, что побудило её изменить свою идеологическую направленность, но её досье хранило массу документов, свидетельствующих о её внезапной близости к нескольким коммунистическим организациям. Видимо, псевдосоциалистические речи Муссолини и Массимо Ди Анджело убедили Элизабет, что идеи фашизма и социализма не так уж далеки друг от друга.

Когда её родители обнаружили, что их Лиз стала членом *Американской антивоенной лиги*, они пришли в ужас.

– Это коммунистическая организация! – кричал её обычно спокойный отец. – Ты понимаешь это или нет?! Они все сталинские агенты!

– Ну и что?! – кричала она в ответ. – По крайней мере, в сталинской России нет безработных, стоящих в длиннющих очередях за куском чёрствого хлеба и тарелкой вонючего су-

па, как у нас!

– Сталинские бандиты казнят абсолютно невиновных людей – тысячи и тысячи! Каждый божий день! Ты читаешь газеты или нет?!

– Твои продажные газеты! – гневно цедила она сквозь зубы. – Кто верит им?

Этот накалённый разговор дочери с отцом был записан любопытным соседом, и эта запись тоже была включена в досье Элизабет Гриффин.

А затем пришло участие Лиз в другой прокоммунистической организации, *Американское движение за мир...*

...Хрупкое тело под простынёй шевельнулось, прервав размышления полковника Кларка о необычайных путешествиях мисс Гриффин между идеологиями фашистов и коммунистов.

Марта Доран наклонилась над кроватью.

– Лиз, – позвала она. – Это я, Марта.

Голос Элизабет был хриплым и слабым:

– Марта, – прошептала она, – открой шторы...

Кларк прошёл к окну и откинул тяжёлые занавеси. Он повернулся и взглянул на желтоватое, измученное, подобное призраку лицо Элизабет. Доктора не давали ей более четырёх недель жизни. Позавчера на тихой улочке Бруклина тяжёлый грузовик наехал на неё и, не останавливаясь, умчался. Обе её ноги были ампутированы. Её печень и почки почти не функционировали.

Кларк ступил ближе к кровати.

– Мисс Гриффин, – сказал он, – я полковник Кларк из ОСС. Неделю тому назад вы прислали нам письмо.

Она кивнула и повернула голову к Марте.

– Я слыхала, ты работаешь в ФБР. Тогда ты должна услышать, что я собираюсь сказать полковнику. Мои показания будут записаны, верно?

Марта достала из своего портфеля миниатюрный аппарат и положила микрофон на простыню.

– Лиз, – сказала она, – ты уверена, что сможешь говорить?

Элизабет растянула истрескавшиеся губы в едва заметной улыбке.

– Конечно, нет. Но у меня нет выхода. Я должна рассказать то, что должно быть рассказано. – Она медленно повернула голову влево, а затем вправо. – Давайте начнём.

Марта нажала на клавишу пуска.

Элизабет начала говорить внезапно окрепшим голосом:

– Меня зовут Элизабет Полин Гриффин. Я пациент отделения ортопедии госпиталя «Кони-Айленд» в Бруклине. Моё состояние безнадежно и я, по-видимому, не доживу до июня. Я абсолютно уверена, что я являюсь жертвой покушения со стороны моих бывших сотрудников-коммунистов.

Сегодня 20 апреля 1943 года. Я намерена предоставить важную информацию сотрудникам ОСС и ФБР полковнику Джорджу Кларку и Марте Доран. Это была моя – и только

моя – инициатива пригласить полковника Кларка, и я несу полную ответственность за это решение.

Я была активным членом Коммунистической партии Соединённых Штатов Америки (КПСША) с 1938 года. Перед моим вступлением в КПСША я участвовала в нескольких прокоммунистических организациях, служивших фасадом для подпольной коммунистической деятельности.

Элизабет внезапно остановилась.

– Марта, – сказала она, – я хочу пить.

Он сделала несколько глотков, с трудом вытерла губы и закрыла глаза. Помолчав с минуту, она заговорила опять:

– В ноябре сорок первого года я начала работать в отделе латинских языков библиотеки Конгресса. Через три месяца после начала моей работы ко мне обратился член Центрального комитета КПСША, которого я знала по моей предыдущей работе в Американской Антивоенной Лиге. Он предложил мне стать связующим звеном между партией, Коминтерном и советской шпионской сетью в Штатах. Моя работа в государственном аппарате давала мне надёжное прикрытие, и это было основной причиной его предложения. Безоговорочно веря во всемирную победу коммунизма, я приняла с энтузиазмом его предложение стать советским шпионом.

С самого начала моей главной задачей были постоянные контакты с несколькими чиновниками министерств и ве-

домств, занимавшихся различными аспектами военных программ...

Марта сказала:

– Я не хочу прерывать тебя, Лиз, но я хотела бы уточнить кое-что. Я так понимаю, что ты получала информацию – и секретную информацию, в том числе! – от американских официальных лиц и передавала эту информацию русским непосредственно или через Коминтерн – верно?

– Да.

– И кто были эти официальные лица?

Пергаментное лицо Элизабет осветилось подобием слабой саркастической улыбки.

– Знаешь, Марта, – сказала она, – это займёт немало времени, если я начну перечислять всех высокопоставленных чиновников, шпионящих для России и опишу их деятельность.

Полковник Кларк и Марта Доран обменялись тревожными взглядами.

– Мисс Гриффин, – произнёс Кларк, – вы утверждаете, что их было так *много*?

Элизабет промолвила усталым голосом:

– Для начала, полковник, я могу назвать вам не менее двадцати человек – в Белом доме, Госдепартаменте, Министерстве финансов, Военном министерстве, Комитете экономической стратегии, Комитете военного производства и в Офисе по координации Ленд-Лиза.

– Даже в Белом доме и Госдепартаменте?!

– Да. Начнём, пожалуй, с Эдварда Дикенсона...

– Эдвард Дикенсон?! – воскликнул Кларк. – Советник Государственного секретаря?! Невозможно!

– Очень даже возможно, полковник. Я сильно подозреваю, что он является главным координатором всей шпионской деятельности... А сейчас, Марта, позови, пожалуйста, медсестру. Мне больно... Я устала... Я не могу больше говорить. Приходите завтра. Прошу прощения...

Отель имел странное название – «*The Guardian*». Он был построен в тридцатые годы эксцентричным британцем – очевидно, преданным читателем одноимённой лондонской газеты. Отель занимал целый квартал вблизи *Kings Highway*, в десяти минутах езды от госпиталя.

Они сидели в номере Кларка, у стола, на котором стояли лишь магнитофон Марты и два стакана охлаждённого чая.

– Я чувствую глубокую депрессию, полковник, – сказала Марта.

– Моё имя – Джордж.

Она кивнула, не глядя на Кларка.

– Мой младший брат был убит в Пёрл-Харбор, Джордж. Мой муж летает сейчас где-нибудь между Суматрой и Целебесом в своём В-24. Его могут убить в любое мгновение... А

эти предатели, эти преступники – они сидят в своих комфортабельных вашингтонских офисах, вдали от залитых кровью тихоокеанских островов, изображая из себя лояльных американцев и в то же время передавая секретную информацию в иностранные руки! И в чьи руки?! В руки коммунистов!

Кларк вздохнул.

– Я не могу себе представить, что их так много! Вы в ФБР неужели не почувствовали хотя бы запах этой шпионской деятельности?

– Мы, Джордж, конечно, держим своих парней в КПСША, но, клянусь, мы и не подозревали, что наши *комми* являются русскими шпионами.

Кларк зевнул и потянулся, заломив руки за голову.

– Боже, как я устал... Я уверен, что сегодня ночью я не засну. Завтра мы узнаем их имена, Марта! Можете себе это представить? При условии, что подруга вашей юности не лжёт.

– Джордж, она почти мертвец. Она не станет врать на краю могилы.

На дальнем столике у окна зазвонил телефон.

Марта обменялась взглядом с полковником, пожалала плечами и подняла трубку. С минуту она слушала в полном молчании.

Потом повернулась к Кларку и сказала едва слышным голосом:

– Элизабет Гриффин скончалась сорок минут тому назад.

Глава 8. Сталин. Дача в Кунцево. Апрель 1943 года.

Из всех искусств для нас важнейшим является кино!

Это было одно из многочисленных высказываний Ленина, которые Сталин считал просто идиотскими. Почему кино? Почему не литература или музыка? Почему не театр? Почему не живопись? Когда первый пролетарский вождь сделал это глупейшее заявление, кино было примитивным. Так как же, чёрт возьми, могло оно быть *самым важным* из всех искусств?!

Нет сомнения, что мозги Ленина, поражённые, как считают некоторые врачи, нейросифилисом, не работали должным образом.

Но десять лет спустя, в 1932 году, когда кино стало стремительно завоёвывать мир, Сталин вызвал Поскрёбышева, своего долгосрочного секретаря, и приказал построить два частных кинотеатра – по одному в Кремле и на даче в Кунцево.

И вот сейчас он сидит в последнем ряду затемнённого зала в кунцевском кинотеатре и смотрит «Триумф воли» в постановке знаменитой Лени Рифеншталь. Четыре года тому назад, когда Сталин и Гитлер вдруг оказались чем-то вроде друзей, Берия попросил разрешения показать советскому народу этот немецкий шедевр, посвящённый оглушающему нацистскому сборищу в Нюрнберге в 1934 году, который

гитлеровцы называли громким именем «Конгресс».

Но Сталин воздержался.

Хоть он и восхищался фюрером, но он в то же время знал, что в политике сегодняшнее восхищение может легко обернуться завтрашним разочарованием и подозрением, чтобы послезавтра превратиться в открытую ненависть.

Он сказал – *нет!* И, как всегда, оказался прав. Вчерашнее восхищение и вправду обернулось сегодняшней ненавистью.

И всё же он приказал Берии притащить на этот просмотр Долорес Ибаррури и Георгия Димитрова, хотя он прекрасно знал, что оба предпочли бы сидеть в своих дачах, вместо того чтобы глазеть в течение девяноста минут в разинутый орущий рот своего смертельного врага, Адольфа Гитлера, и чувствовать себя униженными и оскорблёнными.

Но это и было именно тем, что хотел Сталин.

Он был враждебен к ним, как был враждебен к любому, кто завоевал славу в коммунистическом движении и чьё имя затмевало, хоть на мгновение, его имя и его славу Великого Вождя.

Ну что, спрашивается, такого славного в том, что Ибаррури получила кличку *Пассионария* за свои бесконечные речи перед республиканскими бойцами в Мадриде, и Валенсии, и Барселоне? Сталин, с его исключительной памятью, отлично помнил образец её словоблудия, когда она говорила без остановки в течение двух часов в Валенсии, в разгар гражданской войны:

No pasaran!!! Фашизм не пройдёт, потому что стена наших тел, которыми мы заградили его путь, безмерно усилена оружием, захваченным у наших врагов, трусливых врагов, не имеющих тех идеалов, которые ведут нас в победоносные битвы! Враг не имеет нашего мощного движения вперёд, в то время как мы несёмся на крыльях наших идеалов, нашей любви – не любви к Испании, гибнущей в предательских объятьях наших врагов, но к Испании, которую мы предвидим, – к демократической Испании!

И тем не менее, несмотря на оружие, которое Сталин послал её разрозненным бандам коммунистов, анархистов и социалистов, Ибаррури была беспощадно разбита войсками Франсиско Франко, и была выброшена из её любимой Испании, и сейчас получала из рук Сталина каждый кусок хлеба, который она съедала, и каждую пару туфель, что она носила.

И то же самое относится к этому неряшливому, вечно потному болгарину, известному под кличкой *Лейпцигский лев*. Димитрову, обвинённому в поджоге германского Рейхстага, ничего не стоило рычать, подобно льву, перед нацистским судом (который, кстати, впоследствии его оправдал):

Я защищаю себя, безвинно обвинённого коммуниста! Я защищаю мою политическую честь, мою честь революционера! Я защищаю мою коммунистическую идеологию, мои идеалы! Я защищаю содержание и смысл всей моей жизни!

Высший закон для меня – это программа Коммунистического Интернационала; высший суд для меня – это суд Контрольной Комиссии Коммунистического Интернационала!

Здесь, в Москве, Димитров, воображая, наверное, что он находится в Лейпциге, попробовал однажды повысить голос в разговоре со Сталиным. Великий Вождь не стал с ним спорить, это не его привычка – спорить по каждому ничтожному поводу; он просто приказал Берии передать *Лейпцигскому льву*, что если тот хочет закончить свои дни на этом свете мирно, то лучше ему держать свой грязный рот на замке. И на этом эпизод был полностью исчерпан.

И Димитров, и Ибаррури были известными ораторами, то есть, *болтунами*, а Сталин презирал болтунов. Так случилось, что все его враги были специалистами по болтовне; они могли обсасывать любую тему, вертя её с одной стороны, а затем с другой, глядя на неё под одним углом, а потом под другим, преподнося бесчисленные аргументы за и против до тех пор, пока твоя голова не начинала распухать от их безудержного гвалта.

Троцкий был великий болтун. И такими же были Бухарин и Зиновьев. И к той же категории относились Радек и Каменев. Они все были его старыми товарищами по революции. И где они все сейчас, а? Там, где и положено быть старым товарищам по революции – на том свете, куда Сталин их и отправил.

Гитлер – тоже великий оратор. Сталин признаёт это. Сто-

ит только посмотреть на экран, где фюрер орёт, выпучив глаза, с вздутыми на шее жилами, впечатывая свой кулак в трибуну:

И мы должны быть бойцами! Мы окружены многими-многими врагами нашего движения! Они не хотят, чтобы Германия была мощной! Они не хотят, чтобы наш народ был объединён! Они не хотят, чтобы наш народ защищал свою честь! Они не хотят, чтобы наш народ был свободен!

Сталин ухмыльнулся и глянул вперёд, где в пятом или шестом ряду бок о бок сидели Ибаррури и Димитров, несомненно, разъярённые присутствием на экране их смертельного врага.

И вновь Сталин не смог сдержать невольного восхищения своим противником, Адольфом Гитлером. Ведь если вдуматься, фюрер был кем-то вроде сталинского близнеца. Гитлер был необразованным австрийцем, ставшим лидером нацистской партии и впоследствии – германским канцлером и предметом обожествления всего немецкого народа. И Сталин был необразованным грузином, ставшим лидером большевистской партии и впоследствии – диктатором Советского Союза и предметом обожествления всего советского народа.

Сталин встал и, не дожидаясь конца фильма, вышел из зала. Он не оглянулся на оставшихся в зале Берию, Ибаррури и Димитрова. Он знал, что они послушно и немедленно по-

следуют за ним.

Валечка Истомина, его экономка, внесла чайник с крепким грузинским чаем и поставила его на низкий столик рядом с письменным столом.

Она нежно улыбнулась ему.

Сталин не ответил на её улыбку. Он вообще редко улыбался и ещё реже хохотал. Глядя на полненькую и постоянно весёлую Валечку, он невольно вспомнил свою молодую, задумчивую, обаятельную Надю накануне совершения ею акта величайшего предательства – её самоубийства в 1932-м. Конечно, Валечка намного опытнее и активнее Нади в постельных делах, это он должен признать, но секс сейчас мало занимает Сталина. В конце концов, ему уже шестьдесят три, и после Надиной смерти у него почти пропал аппетит к женщинам.

Валечка исчезла, и он внезапно вспомнил статью в одной реакционной американской газетёнке, перевод которой принёс ему Берия. Автор, типичная американская сволочь, писал:

"На свете мало худших сыновей, отцов, мужей или друзей, чем Иосиф Сталин. Он не поддерживал никаких отношений со своими родителями и не посетил похороны своей

матери в 1935 году. Он не хотел признать своих незаконнорождённых детей и почти не заботился о своих трёх законных. Многие из его коллег и друзей погибли по его приказанию. Он очаровывал женщин, но его вторая жена покончила жизнь самоубийством после громкой публичной ссоры со Сталиным. Вдовец, он, по-видимому, имеет сексуальные отношения со своей экономкой, Валентиной Истоминой... "

Как, спрашивается, могли эти гады узнать о его незаконных детях и о его афере с Валечкой?! Суки! Мерзавцы!

Послышался мягкий стук в дверь, и лысоватый Поскрёбышев проскользнул в кабинет, держа в руке блокнот, предназначенный для записи любого приказа Хозяина. В другой руке он нёс две папки, которые и положил на стол перед Сталиным.

– Они оба здесь, Иосиф Виссарионович, – сказал он. – В разных комнатах, как вы приказали.

– Пусть подождут. Что они делают?

– Китаец сидит неподвижно как мумия, с закрытыми глазами.

– А американец?

– Ходит туда-сюда по комнате. Он как будто очень взволнован.

Сталин искривил рот в ухмылке.

– Можешь идти, – сказал он и открыл одну из папок. Имя *Ао Линь* было напечатано жирным крупным шрифтом на

первой странице.

Всего в папке было три страницы. Увеличенная фотография морщинистого измождённого китайца занимала первую страницу. Вторая страница и третья содержали краткое описание жизни и деятельности товарища Ао Линя, выдающегося члена Центрального комитета Коммунистической партии Китая, близкого друга и соратника Председателя Мао, Заместителя председателя Комиссии по военному снабжению, высокопоставленного командира времён так называемого *Долгого Похода*, который китайские коммунисты прославляли как героический этап, хотя, на самом деле, это было паническое отступление Красной армии Мао Цзэдуна в гражданской войне тридцатых годов.

Сталин отхлебнул чаю, отодвинул первую папку и открыл вторую. Моложавое улыбающееся лицо рыжеватого Эдварда Дикенсона смотрело на него с первой страницы. Как умудряются американцы выглядеть так молодо, несмотря на возраст? Этому типу уже сорок шесть, а ему можно дать не более тридцати. Советник Государственного секретаря. Похоже, крупная рыба. Сочувствующий коммунистам. Почему этот идиот, Эдгар Гувер, директор их ФБР, не может обнаружить, что мистер Дикенсон является скрытым коммунистом и нашим шпионом? Ему надо бы поучиться у нашего НКВД.

Он надавил кнопку под столом, встал и пошёл к двери. Хоть это и не было в его привычках, он заставил себя широко раскрыть объятия при виде Долорес Ибаррури и Ао Линя,

возникших на пороге. Он приветливо улыбнулся Долорес, встряхнул энергично руку китайца и сказал:

– Товарищ Ао, приветствую вас на советской земле! Вы знакомы с товарищем Ибаррури?

– Иосиф Виссарионович, – ответил Ао на довольно приличном русском, – мы старые друзья. Верно, Долорес?

Ибаррури обняла китайца и поцеловала его в щёку.

– Верно! – воскликнула она. – Очень старые друзья!

Конечно, Сталин знал, когда и где эта шумная надоедливая испанка и высохший морщинистый китаец стали друзьями, но, следуя своему правилу, он искусно изобразил удивление.

– Я не знал, что вы встречались, – сказал он.

Ибаррури промолвила тихо, со слезами в голосе:

– Мы с Ао виделись последний раз в 1938 году, в окопах под Барселоной, когда наша гражданская война была уже фактически проиграна...

...В окопах, посреди полусожжённых оливковых рощ, измученные бойцы батальона МакКарр-Добсона 16-й Интернациональной бригады сторожили шестерых пленных. Это не были солдаты Франсиско Франко. Это были пять мужчин и одна женщина из антисталинской троцкистской организации ПОУМ (*Partido Obrero de Unificación Marxista*). Прилагательное «антисталинская» делало эту организацию злейшим врагом в глазах «истинных коммунистов», возглавля-

емых Долорес Ибаррури.

Холодным октябрьским полднем Ибаррури и Ао Линь спустились по ступеням шаткой деревянной лестницы в окопы. Они прибыли из Мадрида по срочному вызову командира батальона. Предатели из рядов ПОУМ должны быть наказаны за их еретическую и антикоммунистическую пропаганду, сказал он; но какое наказание должно быть выбрано за их предательство?

Покрытые грязью, небритые, голодные, одетые в тряпье, немногочисленные представители солдат батальона ждали легендарную Долорес Ибаррури, Секретаря Испанской коммунистической партии.

Она появилась перед ними, одетая во всё чёрное. Ходили слухи, что она поклялась не носить одежду других цветов до полной победы коммунистов над предателем Франко.

Товарищ Ао Линь, Прокурор 16-й Интернациональной бригады, стоял рядом с ней.

Шесть троцкистов, с руками, связанными за спиной, стояли, прислонившись к стене окопа в широком дальнем конце.

Речь Ибаррури была непривычно приглушённой; она произносила её без обычного для неё пламенного напора:

Товарищи! Политические причины и дело справедливости, за которое вы проливали вашу кровь с безбрежной щедростью, заставляют нас вернуть вас в те страны, откуда вы прибыли к нам, чтобы сражаться за демократическую

Испанию. Вы можете уйти с гордостью. Вы – часть испанской истории. Вы – живая легенда. Вы являетесь героическим примером солидарности и всеобщности демократии. Мы не забудем вас; и когда распустится оливковое дерево мира, окаймлённое лавровыми листьями победы Испанской Революции, – вернитесь к нам! Вернитесь – и вы найдёте здесь свою новую родину!

Товарищи! Друзья! Солдаты! Коммунисты! Среди нас есть шесть предателей, шесть презренных существ, продавших свою душу фашистам Франсиско Франко. Вот они! Смотрите на них! Смотрите на ваших смертельных врагов, наносивших вам удар из-за спины, когда вы показывали незабываемые примеры героизма. Какое должно быть наказание за эти преступления?! Какое?!

– Смерть!

– Смерть предателям!

– Убить их!

Да, товарищи, да, только смерть будет справедливым наказанием за невообразимые преступления этих предателей славной Испанской Революции! Прошу вас поднять руки, если вы считаете, что эти гнусные отродья человеческого рода должны быть расстреляны...

– Убить гадов!

– Смерть изменникам!

Спасибо, товарищи!

Ао Линь ступил вперёд и сказал:

Я, Ао Линь, Прокурор 16-й Интернациональной бригады, торжественно объявляю, что в соответствии с единоголосным решением бойцов батальона МакКарр-Добсона, эти шесть предателей присуждаются к смертной казни! Приговор должен быть исполнен в течение двух часов. Благодарю вас.

Приведение приговора в исполнение не заняло положенных двух часов. Через двадцать минут шесть троцкистов были отведены в дальний угол оливковой рощи и расстреляны в затылок. Товарищ Ао Линь затем аккуратно заполнил судебное свидетельство о расстреле.

Это была девятая групповая казнь в карьере Прокурора 16-й Интернациональной бригады...

...– Хотите чашку чая? Это отличный грузинский чай, – сказал Сталин.

Ибаррури улыбнулась и кивнула, но китаец промолвил нечто невообразимое, нечто такое, что никогда не звучало в кабинете Великого Вождя. Он сказал:

– Я бы хотел рюмку коньяку.

Рюмку коньяку?! Этот похожий на крестьянина, до неестественности тощий азиат предпочитает коньяк?! Сталин поднял трубку телефона и сказал:

– Бытылку армянского коньяка... Спросите товарища Микояна, он армянин, он должен знать, какой коньяк самый лучший.

Он повернулся к Ао.

– Я не знал, что коньяк так популярен в Китае.

– Нет, товарищ Сталин, – ответил китаец, – он популярен не в Китае, а во Франции, где я учился. За три года пребывания в Париже я полюбил коньяк.

И опять Сталин изобразил удивление, хотя он отлично знал, что в тридцатые годы Ао и сотни других китайцев, корейцев и вьетнамцев прошли через усиленное обучение в коммунистических школах Парижа и Москвы, повышая свою квалификацию в революционной подрывной технике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.